

ГАНЦУРО  
ДЖИТРИИ



ЛЕГЕНДЫ СЭНГОКУ  
ДРАКОН ЭТИГО

Легенды Сэнгоку

Дмитрий Тацуро

**Легенды Сэнгоку. Дракон Этиго**

«Автор»

2021

**Тацуρο Д.**

Легенды Сэнгоку. Дракон Этиго / Д. Тацуρο — «Автор»,  
2021 — (Легенды Сэнгоку)

ISBN 978-5-532-97653-5

Япония, середина 16 века, период сэнгоку-дзидай. Даймё Этиго Нагао Кагэтора продолжает своё противостояние с Такэдой Харунобу. Его враг хитёр и коварен, поэтому конфликт в очередной раз заходит в тупик. Ко всему прочему, тяжким грузом давят и внутренние проблемы - недовольство вассалов, восстания и измены. Кагэтора больше не хочет терпеть подобное. Решив всё перечеркнуть, он покидает Этиго раз и навсегда.

ISBN 978-5-532-97653-5

© Тацуρο Д., 2021  
© Автор, 2021

## Содержание

Карты	5
Пролог	10
Глава 1	12
Глава 2	24
Глава 3	35
Глава 4	49
Глава 5	59
Конец ознакомительного фрагмента.	71

# **Дмитрий Тацура Легенды Сэнгоку. Дракон Этиго**

## **Карты**

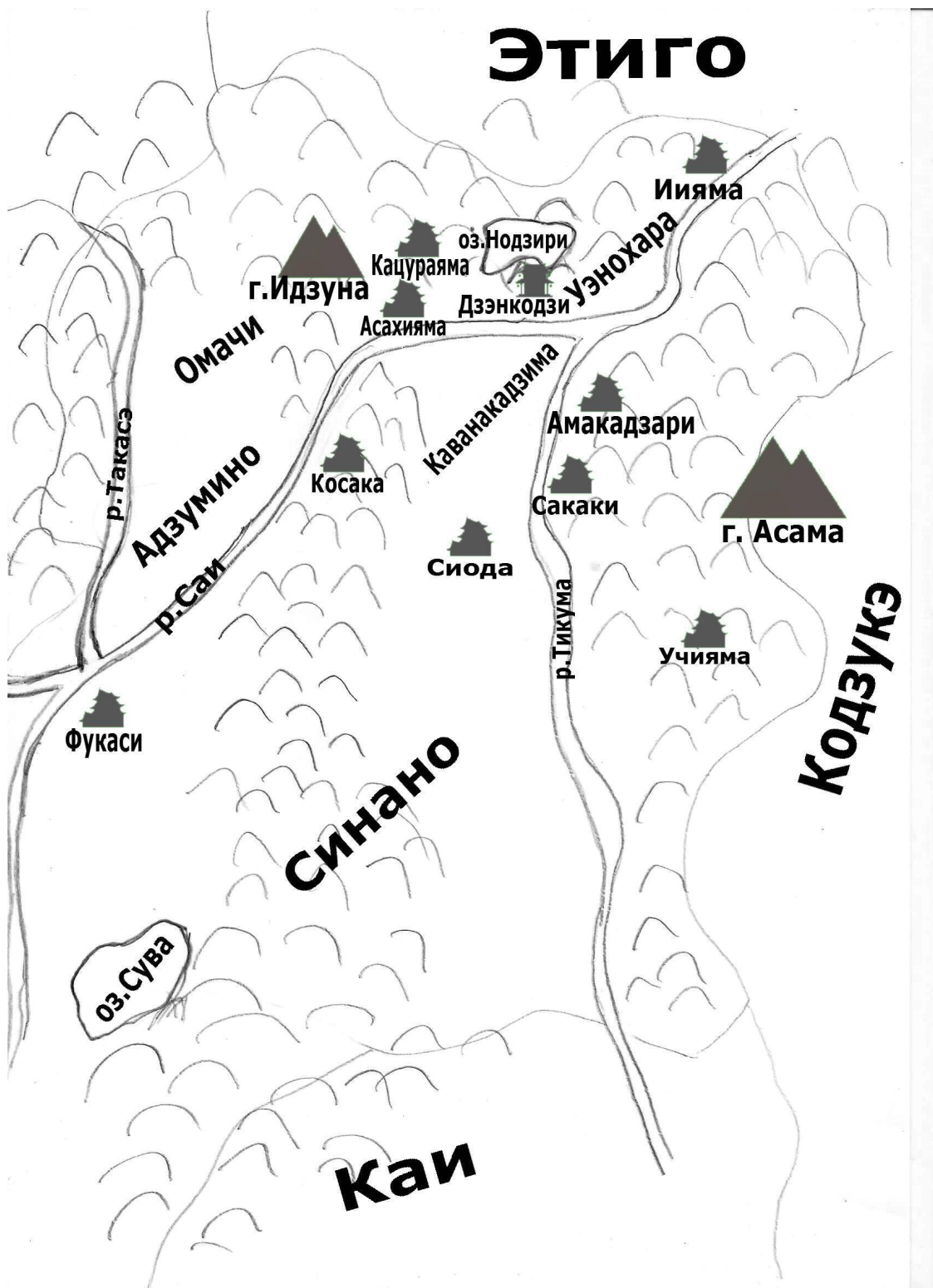
Хиномото восток



## Хиномото запад



Провинция Синано



## Пролог

Восход солнца – одно из самых почитаемых явлений в Хиномото. Ведь издревле считалось, что именно с этих островов Великий Огненный Круг начинает свой путь по небосводу. Именно этой стране – величественных гор, благоухающих цветов и неистовых воинов, богиня Солнца Аматаэрасу первой показывает свой сияющий лик. Своими яркими очами, источающими лучистый свет, она озаряет цветущие поля, священные храмы, игристые реки, мрачные замки, зелёные леса и заснеженные пики гор. Ничто и никто не скрывается от её взора – ни человек, ни маленькая букашка и уж тем более ни два великолепных зверя, решившие померяться силами в рассветный час.

Огромный дракон ступил своими лапами на вершины высоких гор, дробя своими острыми, словно заточенные клинки, когтями, вековые камни. В свете яркого солнца его белая, как снег чешуя, покрывавшая всё его тело, переливалась и поблёскивала яркими огоньками. Косматая пепельная грива лоснилась, будто шёлк и тянулась тонкой полоской от головы по всему его хребту. Его янтарные глаза с узкими вертикальными зрачками сузились и острым взглядом, устремились вниз, с высоты гор, будто заметили кого-то.

Там внизу, по зелёной цветущей долине, омываемой с двух сторон чистыми водами двух рек, шёл тигр. То был не простой тигр. Огромный матёрый зверь, поигрывая своими мускулами, гордо расхаживал по долине, а его яркая шерсть, при свете солнца, отдавала кровавым оттенком. Он вздёрнул морду вверх и с вызовом посмотрел на сидящего, на скалах дракона. Всем своим видом он показывал, что это его земля, и он никому её не отдаст. Дракон же так не считал. Приняв вызов, он сорвался со своего места, как следует оттолкнувшись и устремился вниз. Серебряной стрелой он пронёсся, разрезая свежий утренний воздух, и в одно мгновение оказался рядом со своим соперником. Тигр немного прижался к земле, готовый в любое время отразить атаку. Долгое время они оценивали друг друга, пытаясь подавить силой воли, но не один из них не сдавался. Оба были сильны, оба горды и непоколебимы.

Первым напал дракон. Извиваясь своим длинным телом, он попытался зайти к тигру с боку, но тот будто ожидал этого и ловко отпрыгнул. Приземлившись, тигр выпустил свои стальные когти и сам пошёл в атаку. Звери сцепились друг с другом. Тигр впивался когтями в белое туловище своего противника, раздирая блестящую чешую. Дракон, пытался обвить врага и сдавить мощью своего тела, переломав ему все кости, но тот был силен и ловок, стараясь не попасться на уловки змеевидного противника. Дракон впивался ему в шею зубами, бил хвостом, но ему всё было нипочём. Тигр истекал кровью, но всё равно шёл в атаку с ещё большей яростью. Несмотря на своё мощное, мускулистое тело, он был проворен подобно гибкой, молодой кошке. Схватка продолжалась. Своими огромными телами, два дерущихся зверя уничтожали всё на своём пути. Они вытаптывали землю, сминали зелёные поля, раздирали цветы и сносили стройные деревья. Земля пропиталась их кровью, а две реки, омывающие долину, окрасились красным. Ни дракон, ни тигр не желали проигрывать. Они терзали друг друга в клочья, не переставая. День сменялся ночью, месяц шёл за месяцем, а год за годом, но битве не было конца. Даже небо, видя их бесконечную вражду, заплакало кровавыми слезами и наконец, их хватка ослабла. Расцепившись, они разошлись, но по-прежнему держа противника в поле зрения. Окровавленные и истерзанные, они не могли больше сражаться. Даже небо и земля были против их битвы. Молнии полыхали над их головами, а земля разверзлась между ними. Но, они всё так же смотрели друг на друга враждебно и с нескрываемой яростью. Казалось, они вновь схватятся, и бесконечная битва снова начнётся, но тигр упал. Не вытерпев боли от полученных ран и потеряв много крови, он не смог продолжать бой. Дракон смотрел на поверженного врага и ожидал, что он вновь встанет, но тигр едва дышал, делая последние вдохи. Дракон продолжал смотреть. Вместо того, чтобы добить врага, он приблизился к нему и

попытался поднять, но тот больше не мог встать. Наблюдая за тем, как жизнь покидает тигра, дракон заплакал...

Кагэтора открыл глаза. На его нижних веках, в свете догорающего костра, поблёскивали слезинки. Что ему привиделось? Сон или очередное видение? Что же это означало? Уже долгое время, с тех пор как он вышел на обширное татами вместе с крупными даймё, он видит один и тот же сон? Может это предупреждение?

Кагэтора смахнул слёзы. Священный костёр-гома почти погас. Князь взял прямоугольную дощечку с начертанной над ней молитвой и бросил на красные угли. Дощечка задымилась, а потом начала гореть. Кагэтора сцепил пальцы в знак-кудзиин и нараспев начал читать заклинание-молитву. Пламя вспыхнуло, как по волшебству, озарив своим светом статую Бисямон-тэна, сурово смотрящего сверху, на своего почитателя.

## Глава 1

### Искушение

*4-й день месяца Минадзуки, 24-го года Тэнмон (июнь 1555). Замок Асахияма, Синано.*

Барабаны загрохотали, извещая о наступлении, и Китадзё рванулся вперёд, опережая своих воинов. На его пути стояло лишь передовое укрепление замка Асахияма и он, не смотря на сыплющиеся на него стрелы, во что бы то ни стало, намеревался взять его и пойти дальше. Издавая громкий и грозный боевой клич, отряд Такахиро с разбега перепрыгивал ров, взбирался на невысокую насыпь и пытался разрушить заграждения. Не всем это удавалось. Некоторые были сбиты стрелами, другие не допрыгивали и падали в ров, утыканный кольями, а те, кто преодолевал эти два препятствия, получали камнем по голове и больше не вставали. Такахиро показал всем пример, как нужно идти в атаку целеустремлённому и настроенному на победу воину. Он самый первый оказался у решётчатой, бамбуковой изгороди, сунул сквозь неё своё копьё и с первого раза одел на него одного из защитников. Видимо, доспехи бедняги были сделаны из кожи, поскольку наконечник яри вошёл в него, как заострённая зубочистка входит в моти. Китадзё провернул копьё и потянул древко на себя, уверенный, что остриё не выйдет так легко и не прогадал. Труп пронзённого между рёбер, защитника навалился на изгородь, расшатывая её своим весом. На помощь к Такахиро пришло ещё несколько воинов из его отряда, они потянули за древко со всей силы с небольшой раскачкой и наконец, забор поддался. Китадзё едва успел отпрыгнуть от падающей на него изгороди. Когда конструкция уже лежала, он со всей, присущей ему грацией, вынул свой узкий и длинный клинок из ножен и бросился в проделанную брешь.

Защитники попытались перегруппироваться, чтобы оборонить уязвимое место своего укрепления, но нападающие уже были у изгороди по всему периметру. За Китадзё, в бой вступил Оникоджима Садаоки, настоящий гигант, ярости которого не было предела, уж ему-то не один забор не был помехой. С другой стороны, на укрепления кинулся Санпонджи Саданага, тоже весьма буйный и достаточно сильный, чтобы преодолевать препятствия с секирой-оно в руках.

Такахиро был в центре атакующей линии, и он первый ворвался во вражескую крепость, что несомненно, повлияет на его искушение перед господином. В своих красных, словно кровь, доспехах могами и блестящими, золотыми, фигуристыми рогами-кувагата на тулье он чувствовал себя демоном битвы. Жадный до вражеской крови он не щадил никого, стараясь не наносить смертельных ран, а убивать сразу. Его удары, как искусного фехтовальщика, были точны и молниеносны. От вражеских атак он уходил резко и осознанно, изгибаясь, будто змея, несмотря на тяжесть своих доспехов. Там, где проходил Китадзё, выстилалась кровавая тропа из человеческих внутренностей и частей тел. Но это было лишь начало.

Воины Этиго прорвали только первую линию обороны. Дальше шла вторая. Без рва, но тоже огороженная бамбуковым забором. Эту преграду взяли на себя канабо Оникоджимы и оно Санпонджи. За считанные удары сердца заграждение рухнуло и неистовое воинство Этиго ринулось убивать дальше. За второй линией, последовала и третья, но дальше... Дальше перед ними, на горе, возвышался замок Асахияма, который непременно нужно было взять, иначе войско Нагао Кагэторы не сможет двигаться дальше. Такой штурм вёл за собой большие потери, чего избегали многие полководцы. Но, это в том случае если гарнизон был многочисленным. Небольшое число защитников вряд ли могло удержать такой замок, как Асахияма. Ведь с тактической точки зрения, хорошо укреплённым замком он по сути и не был. Всего лишь горная крепость, средних размеров. Только вот здесь, в Асахиме, гарнизон, как раз-таки, был на удивление большим и Китадзё знал об этом. Именно по его вине, Такэда Харунобу

смог прислать подкрепление местному хозяину замка. Именно по его вине, Кагэтора не смог вовремя прийти в Синано и предотвратить нарастающую угрозу. Именно поэтому, Такахиро сейчас шёл в бой в первом ряду, чтобы искупить свою вину и оправдаться перед своим даймё. Он понимал, что может погибнуть ещё при восхождении к стенам крепости, но это будет смерть воина. В бою. Не в постели, как было ему уготовано до этих злосчастных событий.

Китадзё остановился лишь на мгновение, чтобы рассмотреть свой путь от подножья к вершине горы. Он вновь прокричал боевой клич и ринулся в атаку. Воины поддержали его дружным хором и последовали за ним. Никто из них не подозревал, что произойдёт в следующее мгновение. Они ожидали град стрел, катящиеся камни или кипящее масло, но не это...

Раздался грохот. Такой сильный, что у нападающих зазвенело в ушах. Это было похоже на раскаты грома, только исходили они не с небес, а откуда-то поблизости, буквально в полусотни шагов от наступающей армии. Над стенами Асахиямы поднялись клубы дыма и в этот же миг, первые ряды штурмующих скосило словно траву. Воины, опешившие от такого, остановились, переглянулись. Немного тишины и они ринулись вновь с криками и воплями, пытаясь поскорее добраться до стен. Через какое-то время снова раздался этот грохот, только ещё ближе, ещё сильнее и ещё больше воинов отбросило назад. Такахиро не понимал, что происходит, хотя, ему в голову закралась одна мысль. Подобный грохот он уже слышал и не единожды. Такой, рокочущий звук издавало одно диковинное оружие, принадлежавшее его соратнику, Сайто Томонобу. Но то было лишь одно оружие. Что если у Такэды появилось много этих тэппо. Князь Каи был богат и мог себе позволить подобное. Но тогда, этот штурм был просто не возможен. Если так пойдёт и дальше, склоны Асахиямы усеют тысячи трупов воинов Этиго, скошенные страшным огнём из тэппо – оружием, не иначе, как созданным демонами Дзигоку.

Наступление начало понемногу сбавлять свой темп и на какое-то время, даже остановилось. Китадзё, видимо первым сообразив, что происходит, хотел прокричать своим об опасности, но было уже поздно. Очередной грохот раздался над Асахиямой и повалил очередную партию воинов. Такахиро оказался в их числе. Сначала, что-то звякнуло о его нащлемный отражатель-фукикаёши, а потом он почувствовал боль в правом боку и тут же, левую ногу разорвало ещё одной, страшной болью. Китадзё не смог сделать и вдоха, как очередной удар впился ему прямо в грудь, зазвенев о металлическую пластину его кирасы. Такахиро отбросило назад, и он полетел вниз со склона, когда до конечной цели оставалось не больше тридцати шагов...

Он прекрасно осознавал свою вину и понимал, что прощение вымолить будет очень непросто, после стольких-то ошибок.

Почти год назад, Кагэтора отправился в Киото и был принят самим Императором Го-Нара, который вручил ему драгоценный меч и чашу, такую большую, что туда могло уместиться больше семи чарок сакэ. После покупки поместья в столице и посещения святынь, Кагэтора вернулся в Этиго. За это время Китадзё успел натворить столько дел, что даймё и его вассалам пришлось разгребать их целых полгода.

Началось всё с того ночного гостя с хромой ногой и тростью, который чуть не зарезал Такахиро в собственной постели, когда он был назначен смотрителем за строительством нового замка в Синано. Тот человек, имя и внешность которого, так и осталась в тайне, предложил фехтовальщику крупную сумму за предательство, иначе смерть. Китадзё не хотел умирать как паршивый хэймин и согласился на сделку. Согласиться то он согласился, да выполнять условия не хотел и каждую ночь, пытался подкараулить незваного гостя или его приспешников. Так прошло несколько месяцев бессонных ночей, но в опочивальне Такахиро так никто и не появился. Китадзё спал только днём и только в присутствии своих воинов, но ночью не смыкал глаз, хотя и выставил по всему дому охрану.

Всё случилось именно тогда, когда до Такахиро дошёл слух, что князь Нагао выехал в Киото. Враг не изволил себя долго ждать и проник в ванную, когда Китадзё расслаблялся в

офуру, наполненной горячей водой. Стиль был тот же. Сначала погас фонарь, а потом к горлу был приставлен нож. Голос оказался тем же, мрачным, вкрадчивым и неприятным. Сомнений не было, это явился всё тот же хромоногий.

– Завтра ты покинешь Кацураяму и заберёшь всех своих людей. Замок не должен быть достроен. – прошептал хромой.

– Куда мне нужно идти? – спросил Такахиро, недоумевающий, как этот «гость» обошёл его охрану.

– Это твоё дело. Главное, чтобы тебя и твоих людей не было здесь уже до полуночи.

После этого, хромой убрался так же тихо, как и подкрался. Китадзё вылез из офуру, зажгёт фонарь и обнаружил на скамейке, рядом с кадкой, увесистый свёрток с золотыми монетами. В коридоре, у входа в ванную, лежали несколько охранников. Они не были убиты, зато очень громко спали. Видимо, хромоногий был не простой посыльный от Такэды, а один из его шиноби, поскольку, лишь «демоны ночи» способны на такие фокусы.

Такахиро не стал испытывать судьбу и собрав своих людей, ещё до полудня выехал из Кацураямы. Только вот, вместо того, чтобы бежать в другую провинцию, он отправился напрямиком в Этиго, в свои владения, чтобы увезти оттуда своих домочадцев – жену и детей. Оказалось, что слухи, порой, ходят быстрее человека их породивших. Так случилось и с Китадзё.

Первым, о дезертирстве Такахиро узнал естественно Усами Садамицу. Он немедленно оповестил об этом самого ближнего из вассалов Нагао, Какидзаки Кагэиэ и вместе с ним и небольшим войском, выехал к замку Китадзё, где и застал его владельца. На призыв сдаться, фехтовальщик категорически отказался, поскольку знал, что может с ним сделать Усами, прежде чем князь вернётся в Этиго и приговорит его к казни. Такахиро, со своим малочисленным гарнизоном, всего лишь в сто с небольшим человек, приготовился к обороне. Но, Усами и Какидзаки атаковать не спешили. Они окружили замок и взяли его в осаду, отрезав все пути сообщения с внешним миром. Китадзё попытался сделать вылазку, но был отброшен назад за стены яростным напором воинов Какидзаки.

Вскоре пришло известие о возвращении Кагэтора в Этиго. Но даже теперь князь не торопился прибыть к осаждённому замку. Дело дошло до того, что весь клан Китадзё, изнывая от голода, встретил новый год в заснеженном и уже безжизненном замке. Когда первый из слуг Такахиро, упав в голодный обморок, так и не поднялся, фехтовальщик решил известить Кагэтору о своей капитуляции. Он призвал князя к его чести и справедливости, умоляя простить его клан, тогда, как он сам совершит сэшуку.

Кагэтора откликнулся и принял условия Китадзё. Прибыв самолично к замку, даймё Этиго ожидал вывода людей. Как он и обещал, вся семья и люди Такахиро были прощены, а самого главу клана притащили в ставку для вынесения приговора. Фехтовальщика было не узнать. Весь худой и измученный, он потерял всю надежду на счастливую и беззаботную жизнь, о которой так мечтал. Кагэтора смерил его суровым, строгим взглядом из-под сдвинутых бровей и бросил ему под ноги танто. Такахиро, поклонившись, с почтением принял клинок и приготовился умереть на месте. Едва остриё кинжала коснулось его живота, как князь приказал остановиться.

– Я уже видел это. – произнёс он. – Тогда, на Садо, ты уже пытался вспороть себе живот, но остался жив. Я даже вижу этот шрам у левого бока, оставшийся после твоей попытки. Скажи мне Такахиро, что значит для тебя жизнь?

– Жизнь? – Китадзё поднял на своего даймё безжизненный взгляд. – Жизнь нужно прожить так, чтобы не стыдно было умереть.

– Вот, как? – впервые в жизни фехтовальщик увидел на лице князя удивление. Но, Кагэтора вновь спросил. – Тогда скажи, сможет ли человек умереть, если он не живёт?

– Что это значит? – теперь пришла очередь Такахиро удивляться.

– Это значит, что жизнь предавшего своего господина, своих соратников, своею землю, своею семью, не является жизнью вовсе. Сможет ли человек без чести, достоинства, гонимый всеми спокойно ходить по земле, зная, что он мёртв, для всех, кто его знал? Разве он не должен был умереть раньше, пока был ещё жив и когда в его голову закрались нечестивые мысли?

– Вы правы Кагэтора-сама. – Китадзё склонил голову. Он ощущал на себе не только подавляющий взгляд князя Нагао, но и всех, кто стоял с ним рядом. Какидзаки, Усами и даже Ятаро, с кем Такахиро был наиболее дружен. – Я оскорбил вас всех своим поступком. Позвольте мне умереть, как подобает самураю, во искупление моих грехов.

– Много чести Хэби! – громко и иронично усмехнулся Ятаро. – Я бы размозжил тебе башку, не давая в руки оружия, ведь только такой смерти ты и достоин!

– Я позволю тебе умереть так, как ты этого не заслуживаешь. – вновь произнёс Кагэтора. – Пока, ты будешь под арестом, на неопределённый срок. Ты умрёшь лишь тогда, когда я решу, как ты это сделаешь.

Ятаро со злостью вырвал из рук Китадзё танто и на этом всё кончилось. Такахиро был посажен в какую-то невзрачную и маленькую комнату, очень похожую на тюрьму с несколькими отличиями. В этой комнате было чисто, здесь хорошо кормили и здесь же имелась совсем маленькая, но всё-таки, офуро.

Так фехтовальщик провёл несколько месяцев, в одиночестве, без тренировок, сакэ, женщин и красивой, приятно пахнущей благовониями, одежды. Лишь потом он узнал, что благодаря его предательству, Такэда Харунобу привёл в северную Синано войска и посадил их в Асахияму, прямо напротив недостроенной Кацураямы, за которым Такахиро должен был следить. Кагэтора не пожелал это так оставлять и начал готовиться к очередному походу в Синано.

Ко всему прочему, даймё из Каи заключил «Тройственный союз» с Ходзё Уджиясу из Сагами и Имагава Ёшимото из Суруги. Эти трое поженили своих детей между собой, что дало им возможность сосредоточиться на своих целях по расширению собственных земель, а не враждовать друг с другом, как это было раньше. И если эти трое, когда-нибудь, соберутся вместе, не один враг их не остановит, а Нагао Кагэтору не спасут даже горы.

\* \* \*

*Месяц Минадзуки 24-го года Тэнмон (июнь 1555). Монастырь Дзенкодзи, Синано.*

– А, я говорил! Я предупредил, что скоро это оружие будет у всех без исключения! Такэда оказался прозорливее и купил тэппо раньше нас!

– Придержи язык Томонобу! – рыкнул на Сайто Какидзаки. – Ты хвалишь нашего врага в присутствии господина! За это можно и поплатиться!

– Не нужно Какидзаки, пусть говорит. – приказал князь Кагэтора. Он внимательно слушал своего вассала, разглагольствующего о пользе заморского оружия, которое большинство его самураев считали оружием трусов и крестьян. И Кагэтора был не исключение.

– Если бы у нас сейчас было, хотя бы, несколько сотен таких тэппо, мы смогли бы не только ответить Такэде, но и разнести деревянные стены Асахиямы. – продолжал Сайто. – Вы же видели, что случилось со штурмовыми отрядами?

– Их скашивало будто серпом. – хмуро подтвердил Санпонджи Саданага. – Я был там. Я видел, как передовой отряд Китадзё был практически истреблён после второго грохота. А сам Такахиро...

– Поделом ему! – вставил Наоэ. – Он и такой смерти не заслужил! До сих пор не понимаю, почему господин простил его. – Кагэцуна покосился на князя, но тот и бровью не повёл, сидел молча и слушал перепалку своих бусё. Поняв, что даймё ничего не скажет, Наоэ обратился к Сайто. – Вот ты говоришь несколько сотен тэппо? А ты знаешь, во сколько обойдётся Этиго

эти сотни? Сейчас, эти твои тэппо, стоят очень дорого. Даже больше чем лошади и доспехи. Проще обучить лучников.

– Не проще. – возразил Томонобу, стоя на своём. – Во-первых, вы преувеличиваете Кагэцуна-сан. Тэппо не стоят больше лошади. Это оружие для массового употребления и его недолго изготовить, в отличие от тех же доспехов. А лошадей завозят из Минг и Чосона или же выращивают на местных пастбищах, на что требуются годы. Отсюда вылезает и цена на товар. Во-вторых, лучника нужно обучать месяцами или даже годами, а тэппо освоит любой хэймин за неделю.

– Вот и я говорю! – вновь проголосил Какидзаки, своим грубым хрипловатым голосом. – Это оружие трусов и простолюдинов! Мне стыдно брать его в руки! Такэда Харунобу человек без чести, поэтому и набрал себе этих грохочунов! Только трус будет использовать такое оружие!

– Вот как?! – Томонобу бросил на Кагэиэ вызывающий взгляд. – Значит я трус, по-твоему? Помнится, ты тоже радовался, как ребёнок, когда первый раз увидел тэппо в действии, разве нет?

– Я не желал тебя обидеть Сайто, но тогда я не знал, насколько опасно это оружие. – Какидзаки сбавил тон. – Пущенную стрелу, хорошо обученный воин, может отбить или вернуться от неё. В крайнем случае, защитят доспехи. Но пулю, отбить нельзя, невозможно вернуться и её не останавливает броня. Это превращает воинскую доблесть в ничто.

– Зато, это залог победы. – настаивал Томонобу. – Все перечисленные тобой качества тэппо, превосходят качества лука. Как вы все сами убедились, – Сайто оглядел присутствующих. – наличие этого оружия у Такэды, обернулось нашим поражением.

– Это не поражение, – скромно вернул своё слово Наоэ. – а просто тактическое отступление.

– Со следами из сотни трупов! – с усмешкой уколол Санпонджи. – Причём, не их.

– Саданага, ты тоже считаешь эти грохочуны необходимыми?! – удивился Кагэиэ. – Ты же бывалый воин?

– Я считаю, что моих людей, которые тоже взбирались на стены Асахиямы, прикончили не воины врага, бросившиеся в лобовую атаку и даже не стрелы, а те самые тэппо. Если они используют их, чтобы одолеть нас, то почему мы не можем отплатить тем же? – пояснил Санпонджи. – Твоих людей там не было. Ровно, как и твоих лошадок.

– Я тоже считаю доводы Сайто обоснованными. – произнёс доселе молчавший Иробэ. Отхлебнув сакэ, стоящее перед его коленями на подносе и оттерев кулаком густую бороду, вокруг рта, он продолжил. – Времена меняются Кагэиэ, меняются люди и их предпочтения. Когда-то давно у нас не было столь разнообразного вооружения, как сейчас. Сражения велись по-другому, а замки не были такими укрепленными. Я считаю, что нужно принять новшества и использовать его по своему усмотрению.

– Кацунага-сан и ты туда же?! – недоумевал Какидзаки. – От тебя я этого точно не ожидал!

– Ты старомоден Кагэиэ. – вновь вернул Наоэ.

– Что-о?! Это я-то? Я с детства не выпускаю из рук копьё и не слезаю с коня! Большую часть жизни я провёл в сражениях, вместо того, чтобы таскаться по девкам и капаться в пыльных бумагах!

– Возьми свои слова назад! – теперь пришла очередь Наоэ злиться.

– Достаточно! – эти слова, будто волной прокатились по обоим рядам вассалов, сидевших друг напротив друга, заставив их замолчать. Хондо<sup>1</sup> храма словно продуло насквозь сильным

---

<sup>1</sup> Хондо – главное помещение в буддийском храме.

порывом ветра. Пламя свечей внутри заколосилось, а дым тлеющих благовоний, в огромной курильнице у входа, разнесло по воздуху.

– Вы спорите о несуществующих вещах. – вновь произнёс Кагэтора. – В данный момент, у нас нет тэппо. Ни сотни, ни даже десятка. Зато, Асахияма остаётся не взятой. Если мы не решим эту проблему, Такэда зажмёт нас с двух сторон. Прошлый раз мы не поддались на его уловки, неужели и в этот раз мы не сможем обойти его? Я не поверю, что победа упирается только в это нечестивое оружие? Если у вас нет подходящих идей, тогда я сам решу, как поступить.

Самураи Этиго долго молчали, приняв задумчивые выражения на лицах. Кагэтора терпеливо ждал.

– Может стоит заморить их голодом? – предложил Санпонджи.

– Не получится. – отрезал князь. – Разведка доложила, что Такэда уже вышел из Кофу<sup>2</sup> и направляется в Синано. У нас неделя, чтобы подготовиться к его встрече, не оставляя в тылу вооружённый гарнизон врага.

– Неделя – это конечно мало! – поскрёб затылок Саданага. – Может, стоит всё-таки пойти нахрапом?

– Нет. – князь Нагао отвёл свой взгляд от Санпонджи, поняв, что тому в голову ничего вразумительного не приходит. – Ещё предложения?

– Я слышал. – начал говорить Амакасу. – что настоятель этого монастыря, родственник хозяина Асахиямы. Стоит попробовать подговорить монаха, чтобы тот уговорил родню сдаться.

– Это невозможно. – оборвал Сайто. – Настоятель Дзэнкодзи сбежал ещё до нашего прихода, чтобы предупредить своих родичей в Асахияме. Он лоялен Такэде, а не нам. Так, что ты опоздал с советом Кагэмочи-сан.

Амакасу поник, а остальные замолчали. Как всегда, последнее слово Кагэтора оставил Усами. Этот старик, шестидесяти семи лет, зачастую молчал на протяжении всего совета. Пока остальные дискутировали, он спокойно и беззаботно наглаживал свою седую козлиную бороду, бегал взглядом маленьких глаз по присутствующим и думал. Взвешивая каждое предложение, сказанное на совете, Садамицу разрабатывал свой план. Все знали, что Усами никогда не давал дурных советов и все его тактики, и стратегии всегда оказывались успешными. Просто, никто не понимал, почему он сразу не выдвигает свои предложения. Толи его забавляла перепалка своих соратников, толи он давал шанс высказаться другим, авось предложат, чего умного, толи самоутверждался в чужих глазах, утирая всем нос в финале.

Вот и сейчас, Садамицу скромно сидел по левую руку от своего даймё, гладил бороду и молчал. Казалось, Усами совсем не постарел за свои годы. На его лице, по-прежнему было не так много морщин, а седина лишь прибавляла мудрости. Голову его венчала круглая шапочка-марудзукин, похожая на рисовую лепёшку-моти, какую часто носили люди, занимаемые должность главного советника и стратега, некоторые мирские монахи и торговцы. Доспехи на нём были простые, в стиле окэгава<sup>3</sup>, с чёрной кирасой, а наплечники и кусадзури, прошнурованные пурпурным.

– Говори Усами. – приказал князь. – Похоже, единственный выход я вижу в нашем плане.

– Я не сомневался господин, что мы, так или иначе, придём к нему. – Садамицу учтиво поклонился и вполоборота развернулся к остальным самураям. – На самом деле, господин уже разработал стратегию, но по своему обыкновению дал вам возможность проявить себя.

---

<sup>2</sup> Кофу – город-резиденция клана Такэда в провинции Каи (современная префектура Яманаси)

<sup>3</sup> Окэгава – буквально «кираса-бочка» – доспех с кирасой из склёпанных полос, иногда с декоративными заклёпками, которые могли иметь форму герба – мон. Полосы могли быть как горизонтальными, так и вертикальными.

– Говори уже! – раздосадовано произнёс Какидзаки. Оказалось, что не только он устыдился словами стратега.

– Наше войско двинется на встречу Такэде, но... – продолжил Усами. – Асахияму придётся оставить в тылу, поскольку в кратчайшие сроки взять мы её не сможем, не потеряв перед этим много людей, а осада нам не на руку.

– Садамицу-сан, вы опять за своё? – не вытерпел Наоэ, долгого вступления, так обожаемого стратегом. – Не томите уже.

– Вам было дано слово. Вы его упустили. Теперь слушайте. – укорил Кагэтора. Не только Кагэцуну, но и всех прочих.

– Та-ак, во-от! – нарочито растянул слова Усами. – Оставить, то мы её оставим, да только пошевелиться не дадим. Недостроенный Китадзё замок Кацураяма, должен быть достроен. В самые кратчайшие сроки. Поскольку он находится напротив Асахиямы, то и контролировать её хозяев, то есть клан Курита, будет из него проще простого. Мы оставим в Кацураяме гарнизон из людей Синано и поставим во главе Таканаши Масаёри. Остальная же армия, направится на юг, навстречу Такэде. Уходить будем постепенно, чтобы Курита вдруг не сделали неожиданной вылазки, увидев отход войск. Вначале, в авангарде пойдёт Какидзаки Кагэиэ. Он встанет у северного берега Сайгавы и будет ждать остальных.

– Это всё? – Наоэ дождался, когда Усами закончит и с подозрением спросил. – А, кого, извольте узнать, вы оставите строить замок? Неужели, господина Наоэ Кагэцуну?

– Вы правы Кагэцуна-сан. – язвительно улыбнулся Садамицу. – Именно его. Потому, как кроме него, лучше с этим делом никто не справится. Тем более в кратчайшие сроки. А поможет ему в этом господин Суда Мищучика. Он тоже кое-что смыслит в таких делах.

– И какие же сроки мне уготованы? – Наоэ не сбавлял язвительных нот.

– Неделя Кагэцуна. – твёрдо ответил вместо стратега Кагэтора. – За семь дней ты должен закончить строительство Кацураямы и присоединиться к остальной армии.

На бритом лбу Наоэ выступила испарина.

\* \* \*

Армия Этиго постепенно выдвигалась к Сайгаве, покидая пределы монастыря Дзэнкодзи. Кагэтора, верхом на своём белом жеребце, стоял на холме, возвышаясь над головами марширующих воинов и провожая их взглядом. Сам он, пока не собирался покидать пределы Дзэнкодзи, намереваясь держать под контролем и строительство Кацураямы и военный лагерь у Сайгавы, находясь посередине. Он не сомневался, что Наоэ Кагэцуна сможет выполнить задачу и без его надзора, но присутствие даймё несомненно должно было ускорить строительство, поскольку никто не желал ощутить на себе его гнев. Несмотря на то, что Кагэтора по природе своей был доброжелателен, справедлив и милосерден, многие, из простых воинов-пехотинцев, рабочих, да и военачальников, его всё же побаивались. С каждым годом слух о его божественном происхождении возрастал, что вселяло в людей, от мало до велико, как надежду, так и страх. Уже почти каждый человек в Этиго, который хоть что-то слышал о Нагао Кагэторе, был уверен, что он само воплощение Бисямон-тэна. Молва говорила мол, как сей птенец, едва вылупившийся из яйца, в столь раннем возрасте, выглядевший, будто молодой бог, смог победить жестокого и страшного врага и установить на своих землях мир, о каком ещё не слышали нигде. После его прихода к власти люди Этиго почувствовали себя счастливыми и самодостаточными. Во многих семьях начали рождаться долгожданные дети, на полях ежегодно собирали обильный урожай, а такие слова, как «голод», «смерть» и «война» перестали сходить с человеческих уст. Но даже это было не всё, чем смог прославить себя Кагэтора. Он покорила остров Садо, рассадник ужаса и нечистой силы, чем приумножил богатства Этиго, благодаря тамошним золотым шахтам. Потом, он изгнал Ходзё из Кодзукэ, защитив клан Уэсуги и побил Такэда в Синано.

Ему было всего двадцать шесть лет, а он уже свершил так много. Разве способен обычный человек на такое?

Всё это твердили люди Этиго, а слухи летели по ветру далеко за пределы северной провинции. Много было преувеличено и переиначено, но заключение оставалось лишь одно, – Нагао Кагэтора есть Бисямон-тэн.

Именно после таких сказок в Этиго накатили волны повальной миграции. Земледельцы за последние гроши покупали во владениях Нагао земли и начинали на них обустройство. Для процветания провинции это было хорошо, ведь обработка земель сулит большой урожай, а именно этим пополняется казна. Но, вместе с ними шли и другие; ронины, нищие монахи или просто бродяги, а избыток голодных ртов ещё никому не шёл на пользу. Эти самые «рты», лезли в Этиго со всех щелей и даже через заснеженные горы, где они частенько погибали от холода, голода, когтей диких зверей или просто срывались в пропасть. Кагэторе даже пришлось закрывать границы и силой выдворять беженцев, которые шли по большей части из Канто, где война не утихала десятилетиями. Когда энтузиазм «голодных ртов» немного поубавился, князь Нагао вновь открыл границы, и всё встало на свои места.

Только вот в Синано дела обстояли куда хуже. Подконтрольные Кагэторе земли, которыми, якобы управляли недобитые Такэдой кокудзин, стали подвергаться набегам. Было понятно, что это сам властитель Каи пытается деморализовать своего противника через простой люд, совершая поджоги, грабёж, убийство и насилие. Люди не знали куда деваться, и под чьим покровительством следует жить. С одной стороны, Нагао Кагэтора – божественный, справедливый и добрый, но весьма отдалённый за своими горами. С другой, Такэда Харунобу – жестокий, сильный, зато весьма щедрый, с теми, кто его поддерживает. Большинство склонилось в пользу последнего и бегство началось уже с земель Кагэторы, – с севера Синано на юг. Именно поэтому князь Нагао вернулся, чтобы разобраться со своим врагом. Но, как оказалось, Такэда хорошо подготовился к встрече, устранив Китадзё Такахиро и пополнив гарнизон Асахиямы, располагавшейся не на его территории.

Кагэтора в очередной раз взглянул на пёструю ленту знамён, марширующих воинов. Ему нравилась его армия. Она была не столь многочисленна, нежели у Такэды или Ходзё, но в воинском умении им не было цены, и они всегда были едины. Он не сомневался, что и в этот раз выйдет победителем, пусть даже его враг применит все свои уловки, на которые он способен.

От созерцания князя отвлёк Ясуда Кагэмото. Среднего роста человек, с бритым лбом и в чёрно-бардовой дзинбаори. Он был родственником Китадзё и исполнял при Кагэторе должность бугё, ответственного за армейский капитал.

– Кагэтора-сама! – обратился к даймё Кагэмото, встав перед ним на одно колено. – У меня новости о состоянии здоровья Такахиро-сана.

– Что с ним? Он будет жить? – Нагао как всегда не выражал своих чувств, хотя он беспокоился о своих вассалах не меньше, чем мать о своём единственном ребенке. Пусть даже этот вассал был повинен в предательстве.

– Да господин. – ответил Кагэмото. – Его тело синее от ушибов, а левая нога сильно повреждена, но врачи говорят, что он выживет.

– Прекрасно. – ответил Кагэтора. – Видимо kami берегут его.

Ясуда не уходил, ожидая, что князь скажет что-то ещё, но тот не обращал на него внимания, наблюдая за войском.

– Господин! – решился бугё. – Могу я спросить? – даймё кивнул, не глядя и тот продолжил. – Можно ли ему рассчитывать на прощение, после того как он выздоровеет?

– Это так важно для тебя? – на лице Кагэторы отразилось слабое удивление. – Ведь ты сам написал мне, что твой родственник предал меня и хочет тайком бежать из Этиго? Разве это не сделает вас врагами?

– Я доложил, потому как верен вам. – ответил Кагэмото. – Поступок Китадзё расценивается, как предательство и не имеет значения в каких мы с ним отношениях. Но, я всё равно беспокоюсь о нём и о его клане. Его наследнику всего восемь, а остальные так малы. Что будет с ними, когда их отца заклеят предателем?

– Ничего с ними не будет. – произнёс Кагэтора. – Я простил Китадзё и очень рад, что он остался жив после этой атаки на Асахияму. Когда он поправится, то может вернуться к своим делам.

– Благодарю вас Кагэтора-сама! – Ясуда низко поклонился. – Вы и вправду самый справедливый в мире!

– Не преувеличивай. – в голосе даймё послышались недовольные нотки. – Я не таков, каким меня считают. Я обычный человек из плоти и крови, как и все вы. Не нужно поклоняться мне. Я ваш даймё, а не ками.

– Простите меня господин, я не желал огорчить вас!

– Ничего. – немного мягче произнёс князь. – Просто все эти слухи не выходят у меня из головы. Пора бы приказать Усами отлавливать распространителей этих сказок обо мне. – Кагэтора заметил, как к ним приближается всадник, причём несётся на полном скаку и без опознавательных знаков, – значит не гонец.

– Кагэтора-сама! – выкрикнул конный ещё из далека. Князь узнал в нём Амакасу Кагэмочи, одного из своих бусё и лучшего друга. Только он мог вести себя так небрежно, ни прирепив к себе ни сасимоно, ни содэ дзируси<sup>4</sup>.

– Господин! – Кагэмочи спрыгнул с лошади и преклонился перед князем. – Прибыл гонец от Какидзаки! Говорит, – «они поймали шпиона Такэды, на этом берегу Сайгавы, но тот утверждает, что он посол, хотя у него нет ни письма, ни каких-либо опознавательных знаков»!

– Как и у тебя. – Кагэтора едва улыбнулся.

– Э-э, я очень спешил, – замялся Амакасу. – ведь новость срочная.

– Где этот шпион-посол? – спросил Нагао, подтягивая поводья.

– В вашем новом лагере в двух ри отсюда. – отозвался Кагэмочи. – Кагэиэ доставил его туда. Хочет пытать.

– Этого нельзя допустить! – Кагэтора изменился в лице. – Шли обратного гонца, немедленно! Прикажи не трогать пленника до моего приезда!

Кагэмочи будто кузнечик, вновь вскочил на коня и бросился обратно, подняв за собой столб пыли.

\* \* \*

Кагэтора прибыл в свою ставку спустя час. Сопровождали его почти все важные васалы, включая Усами, Сайто, Накадзё, Иробэ и некоторые другие. Какидзаки был на месте и неустанно следил за пленником.

Так называемый посол князя Каи, находился в сидячем положении, привязанный к столбу, врытому в землю возле одной из заграждений маку. Вид его был ужасен. Растрёпанные волосы этого человека слиплись от пота и пыли, лицо худое, изборождённое уродливыми шрамами, с отсутствующим правым глазом, который закрывала повязка. Одет он был во всё чёрное от головы до пят. Его единственный целый глаз, внимательно изучал прибывших самураев. Он не знал, кто из них является знаменитым даймё Этиго, но ему это и не нужно было. Как только они расселись на складных стульях, напротив него, сразу стало ясно, что самый молодой посередине и есть Нагао Кагэтора.

---

<sup>4</sup> Содэ дзируси – флажок для идентификации, с изображением мона, крепящийся к наплечнику.

Князь Нагао долгое время молчал и не давал говорить другим. Он тоже изучал пленника и чувствовал исходящую от него недобрую ауру. Связанный, казался Кагэторе неким тёмным существом, подобием человека, вобравшим в себя все грехи. Сила, таившаяся внутри него, была поистине велика, но в ней будто не было ни капли добра, ни лучика света. Посол тоже почувствовал силу князя, совершенно противоположную своей и, наверное, более мощной. Тем не менее, их взгляды встретились.

Ощущение пленника было таково, будто какой-то меч, сияющий словно солнце, со всей силы рубанул по его чёрной броне, разрезая её на две части. Яркая вспышка озарила его сознание, будто выжигая мозг изнутри. Посол даже попытался скорчиться от нестерпимой боли, натянув верёвки с такой силой, что казалось, он разорвёт их на мелкие кусочки, но он остался сидеть на месте. Его уродливое лицо исказилось и стало ещё страшнее. Эта ментальная пытка продлилась бы долго, если бы сей странный посол не смог противостоять Кагэторе. Но он смог и даже попытался ответить, хотя после атаки сильно ослаб. Князь Нагао был милосерден и не стал повторять попытку. Оставив пленника в покое, он решил расспросить его в живую, чтобы все слышали.

– Кто ты и откуда? Как твоё имя и что ты тут делаешь? – коротко задал вопросы Кагэтора.

– Я... – пленник всё ещё пытался собраться с мыслями. – Моё имя Ямамото Кансукэ Харуюки. Откуда я, – уже и сам забыл. Сейчас я посол князя Каи, Такэды Харунобу и пришёл к вам с посланием.

– Без писем? – снова спросил Нагао. – На тебе не было ни гербов, ни каких-либо знаков, как тебе верить?

– На слово. – бросил Кансукэ. – Времена сейчас не спокойные, с послом может случиться всякое. Поэтому, я путешествую инкогнито.

– Времена действительно недобрые. – согласился Кагэтора. – Чем докажешь, что ты принёс известие от моего врага. Учти. Я распознаю обман, и ты понесёшь страшную кару.

Ямамото еле заметно улыбнулся краешком рта.

– Один из ваших воинов два года назад, попытался убить наследника господина, Таро Ёшинобу. – начал Кансукэ с хитрой ухмылкой. – Стрелял он из нового оружия, именуемого танегашима или тэппо. Однако, он не учёл расстояния, с которого данное оружие может убить противника, поэтому лишь сбил юношу с лошади. Поскольку пуля застряла в кирасе, молодой господин отделался лишь синяком.

Ямамото заметил, как заинтересованно посмотрел на него один из бусё князя Нагао. Он был одного возраста с даймё или чуть постарше, носил чёрную броню с синей шнуровкой и обладал серьёзным взглядом. Кансукэ понял, что это он стрелял в Таро, поскольку тэппо в той битве стреляло лишь одно и вряд ли оно принадлежало кому-то из слуг или пехотинцев.

– Я помню этот случай. – кивнул Кагэтора и очень рад, что наследник выжил, хотя, этого делать и не следовало бы. Что ж, раз ты пришёл от Такэды, стало быть, ты действительно являешься послом. – князь кивнул Кагэиэ. – Развяжи его Какидзаки и подай стул.

Кагэиэ нехотя выполнил приказ. Разрезав путы, он бесцеремонно подтолкнул ногой стул к Кансукэ. Пленник встал ни сразу. Подождал, пока затёкшие конечности снова нальются кровью, размял их и улыбнувшись сказал:

– Прошу меня простить, но не могли бы вы вернуть мне мою трость? Я калека, хром на левую ногу и не могу подняться без поддержки.

– Паршивый уродец! – взъерепенился Какидзаки, хватаясь за рукоять меча. – Слуг у тебя здесь нет, как и головы твоей вскоре не станет!

– Успокойся Кагэиэ! – слегка повысил тон Кагэтора, что подействовало незамедлительно. – Отдай ему трость и придержи язык!

Какидзаки снова пришлось выполнять нежеланный приказ. Он вернул калеке трость и встал у него за спиной с левой стороны, чтобы, в случае чего, снести ему голову одним махом.

Ямамото встал, опираясь на свою трость с «Т» образной рукоятью и смог усесться на стул. Кагэтора не сомневался, что эта трость для калеки, не только опора, но и оружие. Скрытые клинки у таких вот мрачных и загадочных типов всё чаще входили в обиход.

– Позвольте ещё воды попить. – Кансукэ показательно облизнул пересохшие губы. – Целый день просто умираю от жажды.

– Да ты вконец обнаглел! – раздался из-за левого плеча голос Кагэиэ. – Господин, позвольте, я разрублю его надвое!?

Кагэтора вновь успокоил своего буйного вассала, распорядился, чтобы послу принесли воды и когда тот утолил жажду, коротко бросил:

– Говори.

– Мой господин, говорит, – начал сразу Кансукэ. – что он глубоко уважает то, что вы делаете для Мураками и остальных. Ваши поступки благородны и делают вас человеком чести, но господин просит вас отступить от Синано и позволить ему пройти дальше. Мураками и сюго этой провинции Огасавара, потеряли свои земли из-за своей небрежности и слабости, поэтому, мой господин решил, что земли Синано лучше подойдут ему, нежели им. Так же, господин заметил, что вы не остаётесь на захваченных территориях, не значит ли это, что они вам не нужны и вы не стремитесь объединить эти земли под единой властью. Если вы не стремитесь к власти, то за что вы боретесь? Не лучше ли заключить мир и захватить острова Хиномото вместе, как два лучших полководца и поделить власть между собой? – Кансукэ выдержал долгую паузу. За это время он пробежал взглядом по всем, кто сидел напротив него, стараясь не останавливаться ни на ком, но в то же время заметить любые важные детали.

Кагэтора, по мнению Ямамото, был словно каменное изваяние. Он не выказывал эмоций, хотя его глаза говорили о том, что он находится в состоянии некой насмешливой неприязни. Его внутренняя энергия запульсировала, словно готовая вырваться наружу. Но князь Этиго был сдержан и Кансукэ это чувствовал. Другой, седой, в круглой шапке и с висячей козлиной бородой, которую постоянно наглаживал, был задумчив и бегал своими маленькими глазками по всем вокруг. Ямамото понял, что с этим стариком нужно быть на стороже, поскольку он именно тот, кто держится в тени своего господина, но на самом деле наиболее важен, чем кто-либо. Не иначе это и есть Усами Садамицу – стратег Кагэторы. Другой бородатый и широкий самурай, был похож на этого грубияна Какидзаки, но более зрелый и тоже изрядно поседевший. В его глазах была кое-какая мудрость, но на лице напыщенная гордость и уверенность в том, что он прожил свой век не зря – обычный вояка, каких полно в армии Такэды. Кансукэ не стал заострять на нём внимание.

Его привлекли двое других. Один молодой – тот, что стрелял в Таро, а второй старый, очень старый, но с живым огнём в глазах. В их обоих струилась та же сила, что и у Кагэторы – в молодом меньше, в старом больше. Ямамото попробовал догадаться кто эти двое. В конце концов, он знал практически о каждом выдающемся человеке, в каждой провинции от Тюгоку до Канто. Не потому, что ему было любопытно, а потому, что эта была его работа, – знать своих врагов.

Кое-что он слышал о молодом человеке, присоединившимся к князю Нагао совсем недавно. Какое-то время он был ронином и странствовал где-то в Кансай, но потом вернулся домой в Этиго, имея при себе некое оружие, привезённое волосатыми варварами из неведомых стран. Звали этого человека Сайто Томонобу, носившего прозвище «Этиго-но-Сёки», и как ходили слухи, не зря. Кансукэ был почти уверен, что это был именно Сайто Сёки и его нельзя было сбрасывать со счетов.

Насчёт старого, Ямамото долго гадал, пытаясь высмотреть хоть что-то в его внешнем виде. На вид обычный старик, лицо которого покрывали морщины и старые шрамы. Но его взгляд, горячий, обжигающий, словно пламя Дзигоку. Кансукэ не сомневался, попадись он этому старику, а не Какидзаки, до Кагэторы он вряд ли живым добрался. Внимание посла

приковал мон этого старика, нарисованный с двух сторон его куртки, в области груди, белая слива на красном поле Имя всплыло само собой, – Байхисай. Знаменитый вассал ещё старого сюго Этиго, мастер двух длинных мечей и самый старый из воинов Кагэтора. Байхисай было его прозвищем, а звали его Накадзё Фуджисукэ. И он тоже стоил особого внимания Кансукэ.

Пауза прошла. Ямамото смог рассмотреть и изучить всех или почти всех.

– Значит, твой господин предлагает мне присоединиться к нему, чтобы покорить Хиномото? – произнёс Кагэтора. – А разве он вправе иметь такие амбиции? Разве наши острова не принадлежат Императору и сёгуну? Разве мы не должны помочь бакуфу<sup>5</sup> восстановить старые порядки?

– Старые порядки устарели. – ответил Кансукэ. – Ни Император, ни сёгун больше не имеют власти! Острова раздрают междоусобицы, кто-то должен взять контроль в свои руки! Если этого не сделает мой господин, этого ни сделает никто! Присоединяйтесь или оставьте Синано!

– Ты много себе позволяешь уродец! – выкрикнул позади Какидзаки. – Придержи язык, иначе я ударю без предупреждения!

– Видишь ли, Ямамото Харуюки, – сказал Кагэтора, приказав Кагэиэ уйти подальше от посла, дабы тот не смущал его своим видом. – я не тот человек, который будет служить такому господину, как твой. Он изгнал своего отца из дома, заняв его место, он предательски убил многих знатных людей Синано, заманивая их в ловушку. Он подкупает моих вассалов, чтобы они предавали меня изнутри. Нет, я не буду ему не служить, не присоединяться к его походу. Как ты сказал, я человек чести и мне чужды ваши методы. К тому же, как говорить, – «два тигра никогда не уживутся на одной горе». Я встану здесь, на страже севера и не дам ему пройти. Пусть твой господин сражается со мной или уходит.

– Значит, двум тиграм не бывать? – повторил Кансукэ. – Значит, будут тигр и дракон? Два неистовых зверя, два врага, вечно сражающихся за первенство.

– Тигр и дракон говоришь? – Кагэтора невольно вспомнил свой сон, который является ему уже не первый год. Эти слова ему не понравились. Неужели сон, есть пророчество, – жуткое и не внушающее доверие. Ведь по закону мироздания, тигр и дракон есть силы равновесия. Чёрное и белое, добро и зло, вечно борющееся, но не одно не может взять верх. – Да будет так! – провозгласил, наконец, князь Нагао. – Передай своему господину, что я буду стоять у него на пути до тех пор, пока один из нас не погибнет.

Ямамото с нескрываемой тревогой посмотрел на Кагэтору. Он понял, что этого человека не пронять ничем. Он не боится ни большой силы, ни предательства, ни смерти. Он опасен. Очень опасен. А это значит, что его поскорее нужно убрать с пути, пока он не стал огромной костью поперёк горла, а то и того хуже, – кинжалом для вспарывания брюха.

---

<sup>5</sup> Бакуфу – (управление из походной палатки) сложная, законченная система государственного строя в Японии, правительство трех династий японских сёгунов с конца 12 века по 1867 год: Минамото с резиденцией в Камакура (1192-1333), Асикага с резиденцией в Киото (область Муромати) (1338-1573), Токугава с резиденцией в Эдо (1603-1868). В руках Бакуфу находилась военная и полицейская власть, с помощью которых следовало распространить гражданское управление на всю территорию Японии. Среди других полномочий, переданных Императором режиму Бакуфу (обычно его называют сёгунат), было право обращать оружие против всех, кто представляет угрозу для монархии. Передача власти была наследственной.

## Глава 2

### Стояние на Сайгаве

*Месяц Минадзуки, 24-го года Тэнмон. Сайгава, Синано.*

Кагэтора окончательно прибыл в расположение войск уже ближе к концу месяца минадзуки. Воды Сайгавы ещё буйствовали после сезона дождей. Хотя, река не была настолько крупная, чтобы затруднить проход войска, но обоз через неё переправить было бы делом хлопотным. Поэтому князь Этиго решил переправлять припасы маленькими группами, через единственный и не очень надёжный мост. Разведке было поручено найти самое неглубокое место для переправы людей, а заодно разведать обстановку на том берегу.

Долго ждать не пришлось, меньше чем через полчаса прибыл гонец разведки и доложил:

– Господин, нужно отложить переправу, враг уже на подходе, мы не успеем!

– Как далеко?

– В одном ри. Их скрывают холмы и деревья, но вскоре их можно будет разглядеть.

– Сколько их? – Кагэтора не смотрел на гонца, а вглядывался вдаль. За бегущей рекой, он видел лишь голые камни, с островками зелени. За ними небольшие холмы, поросшие высоким кустарником, а дальше, видимо, низины. В некоторых местах, вдоль берега, находились заброшенные поля и даже виднелись крыши домов некоторых деревень. Они тоже были покинуты. Хэймины уже давно поняли, что армия подходит к их землям, а значит, будет бой, будет грабёж и смерть. Люди бежали от войны, бросая свои дома без оглядки, лишь бы выжить.

– Господин. – неуверенно произнёс гонец. – На этот раз их больше.

– Сколько? – не выдержал Какидзаки и повторил за князя.

– Около двенадцати тысяч. – озвучил гонец.

Самураи тревожно переглянулись между собой, но Кагэтора даже не шелохнулся.

– Кагэтора-сама. – обратился к князю Кагэиэ. – Их больше чем нас. Что будем делать?

– Переправиться мы не успеем – это верно. Река хоть и мелкая, но мешает быстро двигаться из-за сильного течения. – Нагао недолго задумался. – Остаёмся на этом берегу. Прикажите воинам сделать насыпи вдоль берега и укрепиться, мы должны контролировать переправы. Найдите возвышенность, чтобы разбить лагерь. Когда Такэда появится, мы должны быть готовы. За работу!

Что-то, а приказы воины Этиго исполняли быстро и качественно. Пехота забегала муравьями, уже не с оружием, а с рабочими инструментами, – лопатами, кирками и топорами. К появлению передового отряда вражеской армии, берег, где расположился Кагэтора, уже был оснащён земляной насыпью в полтора человеческих роста, на вершине которой выставили деревянные изгороди, а у подножья заострённые колья. За передовыми укреплениями, на холме, раскинувшимся примерно на пять тё вдоль линии берега, виднелся деревянный забор, с несколькими ягура по периметру и большим количеством разнообразных знамён. То был главный лагерь, где обосновался сам даймё Этиго. Вся работа была сделана менее, чем за два часа и это делало войско Кагэторы ещё опаснее.

Вскоре после этого подошло войско Каи. Они не стали нападать и даже не подошли к реке. Они встали подальше от Сайгавы, более чем на расстояние полёта стрелы. Лагерь не разбивали, а выстроились в оборонительную позицию. Кагэтора, наблюдающий с вершины холма отметил, что это построение «ганко» или «полёт птицы». То был гибкий порядок, готовый в любое время быстро изменить свою позицию и перестроиться. Также «ганко» подходил как для обороны, так и для нападения, главное, чтобы полководец был достаточно умён и сообразителен. То, что Такэда Харунобу являлся таким полководцем, Кагэтора не сомневался. Только вот, что от него ожидать?

Армии простояли друг напротив друга целые сутки. Воины Этиго были в недоумении, почему враг не нападает и почему бусё не приказывают напасть на врага. Многие понимали, что Сайгава мешает и той и другой армии, но на то в каждом войске есть стратеги, которые своим пытливым умом могут повернуть ситуацию в выигрышную сторону.

Посла от Такэды больше не было. После того, как Ямамото Кансукэ получил отворот-поворот от князя, враг больше не желал вести переговоры. Зато Нагао надумал прибегнуть к ответным мерам и решил послать к противнику посла. Собрав совет, Кагэтора озвучил своё решение и предложил добровольный выбор.

Со своих мест тут же по вскакивали; Какидзаки, Амакасу, Сайто и ещё несколько человек. Но всех их опередил и заглушил рёв Оникоджимы.

– Я пойду! – пророкотал Ятаро, так, что у близ сидящих заложило уши.

Кагэтора не возражал против такой кандидатуры. Тем более, что своим видом и голосом, сей гигант, наводил на врагов такой ужас, что, завидев его на поле битвы, они начинали пятиться, чем нарушали порядок войска. Другие вообще начинали бежать без оглядки. А те, что всё-таки решались пойти в бой, больше никогда не возвращались оттуда целыми, если вообще возвращались.

– Что нужно передать Такэде? – спросил Ятаро.

– Мы ответим ему тем же. – произнёс Кагэтора. – Передадим послание на словах. И, Ятаро. Попытайся выйти оттуда, не разрушив половину лагеря. – хмыкнул князь. Воины его поддержали дружным хохотом.

Вскоре Ятаро уже шёл через мост, совершенно один, без сопровождения. Он уверенно направлялся в сторону многотысячного вражеского войска, не на мгновение не заколебавшись. Он был огромен, по сравнению с остальными воинами Этиго и внушал страх всем своим видом. Оникоджима специально облачился не в полный доспех. Его руки, обнажённые, мускулистые и покрытые шрамами, закрывали лишь наручи до локтей, а красная кираса была одета на безрукавую рубаху. Голова тоже ничем не покрывалась, кроме узкой полоски хатимаки с металлической вставкой на лбу. За спиной красовалось синее сасимоно с красной головой демона-они. Лицо гиганта, словно высеченное из камня, тоже украшали шрамы и небольшая чёрная борода от уха до уха. Из оружия у него имелась излюбленная палица-канабо, в его рост и меч в три сяку, висевший у левого бедра.

Несмотря на свою комплекцию, Ятаро передвигался легко и достаточно быстро, мера расстояние своими огромными шагами.

Как и ожидалось, передовые отряды Такэды встретили его с нескрываемым страхом. Ещё не все забыли бои двухлетней давности. Дрожащим голосом его окликнули, приказывая назваться.

– Я посол князя Нагао Этиго-но-ками Кагэторы! – громыхнул Оникоджима. – Своё послание, я уполномочен передать лично Такэде Каи-но-ками Харунобу!

Из строя оторвался один человек и бегом направился в гущу своего войска. Через какое-то время он вернулся, принеся одобрительные вести. Ряды расступились, пропуская Ятаро. Они отошли от него шагов на пять, боясь нечаянно попасться под его руку. Их даже не успокаивало наличие целой армии за спиной.

– Оруж-жие. – еле выдавил ашигару-гасира.

– Тебе? – гигант взглядом раздавил, обращаясь к нему командира пехоты. – Моё оружие может взять лишь воин достойный. Ты воин?

Состояние гасира сейчас было сравнимо с состоянием безжалостно раздавленного яйца. Он промолчал и пропустил посла дальше.

Ятаро шёл через вражеский строй. Гордо, не удостоивая никого даже мимолётным взглядом. Канабо лежало у него на плече. Никто даже не осмеливался издать хоть малейший звук, как это было принято при встрече посла противника, шедшего через всю армию. Обычно над

такими издевались, смеялись, а совсем недисциплинированные могли что-нибудь и запустить. Очень часто, послы не выдерживали и срывались. Если у них изначально не отбирали оружие, то они выхватывали его и кидались на обидчика. В основном посла, после этого убивали и очень редко избивали. Потом говорили, что данный парламентёр нарушил свои полномочия и позволил себе лишнего. С Ятаро такого не было. Возможно, если бы он был без оружия, кто-нибудь бы нарвался. Но с оружием! Каждый понимал, что, если этот гигант расвирепееет, прежде чем его убьют, он унесёт с собой десяток жизней, а то и больше.

До главного штаба Такэды, Ятаро добрался без эксцессов. У входа в маку его встретил воин, на полголовы меньше его, но тоже мускулистый и широкоплечий. Борода у него была ещё больше, чем у Оникоджимы и уже с проседью, но взгляд такой же, – дикий и необузданный.

– Моё имя Хара Торатанэ. – представился самурай. – Вы должны оставить оружие у входа. – вежливо произнёс он грубым голосом.

– Слышал о тебе. – бесцеремонно ответил Ятаро. – Тебя называют Демон Мино. – он протянул ему свою канабо, отстегнул от пояса ножны с мечом и тоже вручил их Хара. Кинжал танто, гигант оставил при себе, его никто не отбирал, потому, как готовность к самоубийству уважали все, даже враги.

Торатанэ принял тяжёлое оружие Оникоджимы и кивнул ему в сторону маку, призывая войти внутрь. Великан зашагал вперёд.

Тут его все уже ждали. Примерно две дюжины вассалов, во главе со своим князем. Вопреки всем ожиданиям Ятаро, Такэда не произвёл на него должного впечатления. Среднего роста, коренастый и круглолицый, с маленькими, глубоко посаженными глазами, с нахальным взглядом и ни одного шрама на лице. Образ дополняли аккуратная бородка и ухоженные усики.

Маку была достаточно обширной и вмещала в себя не только главных вассалов Такэды, но и воинов рангом пониже, несомненно, из личной охраны князя. Некоторые из них держали при себе собак. Самый ближний, пёс, завидев Ятаро, немного присел и зло зарычал. Оникоджима знал эту породу, то были каи, выведенные в домашней провинции клана Такэда и отличались тигровым окрасом. Совсем похожие на тигра попадались редко. Этот пёс, проявивший враждебность, имел тёмно-коричневую шерсть с чёрными полосками.

– Я Оникоджима Ятаро Садаоки, передаю вам от своего князя глубочайшее почтение и принёс послание... на словах! – громогласно заявил гигант.

– Так-так. – Харунобу двусмысленно улыбнулся. – И что передаёт мне твой господин, хотелось бы услышать?

– Мой господин в недоумении, – начал Ятаро. – коли вы пришли в Каванакадзиму, то почему не сражаетесь? Он предлагает решить этот спор раз и навсегда! Давайте скрестим наши копыта и мечи и покончим с этой враждой!

– Я с Нагао не враждовал. – Такэда вновь улыбнулся, пожав плечами. – Я сражался против Мураками и его союзников, у меня не было в планах вторгаться в Этиго. Кагэтора сам пришёл в Синано и вмешался в мои дела. Зачем он это сделал? Землю он себе не забирает? Дальнейших завоеваний не ведёт? Что ему нужно?

– Он вступился за Мураками, потому, что тот попросил его о помощи! – не заставил долго ждать с ответом великан. – Это земли Ёшикиё, а значит он имеет на них право, в отличии от вас! Не имеет значения, кто помогает ему в этом!

– Однако, как твой господин смел заметить, Мураками не может удержать земли, возвращённые ему, а значит, будет лучше, если эта территория окажется у того, кто сможет на ней укрепиться. Разве не так? – парировал Харунобу. – В моих руках теперь практически вся провинция. Все кланы покорились мне или были уничтожены. Лишь Нагао мешает мне закончить завоевание. Пусть нападает, если хочет сражаться, я встречу его здесь.

– Если мы начнём переправляться через реку, вы неминуемо нападёте на нас! – провозгласил Ятаро. Уже несколько собак начали рычать. Та, что была первой, намеренно натрави-

валась хозяином на посла Этиго. Гигант заметил это, но продолжал говорить, не сводя взгляда с Такэды. – Дайте нам переправиться, и мы сразимся с вами, как подобает!

– Ха! – Харунобу аж хлопнул в ладоши от позабавивших его слов. – Вы слышали?! – он оглядел своих вассалов, которые поддержали его недобрым хохотом. – Может мне ещё склониться перед Нагао, чтобы он смог отрубить мне голову?! Я вот что думаю, – ваш князь боится меня, потому, что у меня больше воинов и выгодное положение, поэтому он не нападает! Если он находится в невыгодном положении, значит я в выигрыше. Пусть уходит или попробует сдвинуть меня с места, я останусь стоять тут!

– Значит, таков ваш ответ? – Ятаро сделался тёмным, словно грозовая туча. Ни Такэда, ни его слова ему не были по душе. И уж тем более не эти наглые, надменные лица его бусё, сверлящие гиганта насмешливыми взглядами. Он повернулся вправо, чувствуя на себе присутствие чего-то недоброго и зловещего.

Справа от него, на расстоянии удара копья, сидел Ямамото Кансукэ, изучая Оникоджиму единственным глазом. Именно от него исходила эта злая энергия. Ятаро сдвинул брови, его глаза покраснели. Лицо Кансукэ растянулось в удивлении, он хотел было открыть рот, но тут услышал пронзительный лай. Та собака, что изначально невзлюбила Ятаро, была спущена с поводка и рванулась напрямиком на посла.

Ятаро сидел, как и подобало при обращении к вышестоящему и несущийся пёс, нацелился на его обнажённую глотку. Гигант вскочил с ловкостью кошки, выбросил вперёд левую руку и схватил своей здоровой лапицей, прыгающею на него собаку прямо в полёте. Пёс заскулил, нервно дёргаясь в руке Оникоджимы, пытаясь цапнуть его за обнажённую руку, но не мог. Ятаро держал собаку прямо за шею, сдавливая её с каждым мгновением. Пёс ещё раз заскулил. Послышался хруст ломающихся костей и тело собаки обмякло. Ятаро даже ни разу не посмотрел на свою жертву, всё это проделав не глядя. Взгляд его, вызывающий и яростный, был устремлён на князя Каи. Гигант сдавил горло мёртвого пса ещё сильнее, так, что по его руке потекла кровь, крутанул его и запустил труп в его хозяина. Мёртвое животное пролетело над головами некоторых из бусё Такэды и угодило напрямиком в того, кто недавно спустил пса с поводка. Воина сбilo с ног и даже отбросило на пару шагов. Почти все без исключения вскочили на ноги и схватились за оружие. На своих местах остался лишь князь Такэда и Ямамото Кансукэ.

– Вы, что же думаете, что меня напугают ваши блохастые псины?! – Ятаро начинал злиться. Его глаза начинало закрывать кровавая пелена. – Я сломаю каждого из вас, как сломал шею этому псу! Я разорву вас напополам!

Самураи Такэды начали его окружать. Аккуратно, не подходя слишком близко к разгорячённому гиганту.

– Господин! – обратился к Харунобу Кансукэ. – Нужно быть осторожней, это они! Он один из тех людей, в которых воплотились демоны Дзигоку!

– Стоять! – приказал Такэда. – Всем отойти от него! – князь Каи встал со своего стула и сделал несколько шагов вперёд, то ли для того, чтобы лучше разглядеть воина-они, то ли для того, чтобы тот увидел его. – Успокойся Ятаро! Я не причиню тебе вреда!

– Думаешь, я боюсь тебя?! – голос Оникоджимы стал походить на гулкое рычание. Какое-то потустороннее и чуждое миру людей. – Я ни страшусь ни твоего войска, ни смерти!

– Я вижу. – спокойно произнёс Харунобу, смотря на гиганта с неподдельным восхищением. – Такой воин, как ты заслуживает большего. Что может дать тебе Нагао? У него нет цели, он, словно маринованный овощ в сосуде, не видит дальше своих земель за теми горами. – Такэда кивнул в сторону севера, где возвышались пики гор Этиго. – Я же вижу будущее и оно за кланом Такэда. Переходи ко мне. Я дам тебе землю и высокое жалование. В моих рядах ты прославишь своё имя на века.

– Никто не может увидеть будущее. – Ятаро немного успокоился, но всё ещё был настороже. – Будь вы людьми чести, вы бы не позволили произойти тому, что произошло. Можете убить меня сейчас, но я унесу с собой не одну жизнь, и вы лишитесь своих драгоценных полководцев. Будет весело, если я смогу удавить всех, прежде чем мой дух отправится в круг перерождений! – Оникоджима оскалился словно волк, обнажая белые зубы с неестественно острыми клыками.

– Боюсь, что с твоей смертью, твой дух останется не упокоенным и навлечёт на нас проклятие. – Такэда хмыкнул себе под нос. Бросив последний взгляд на Ятаро, он вернулся на своё место. – Ведь так, Кансукэ?

– Вы верно говорите господин. – согласился одноглазый стратег. – Такие воины должны умирать в сражении, но даже это, зачастую, не освобождает их от этого мира. Слишком много в нём ярости. – Ямамото смерил гиганта из Этиго заинтересованным взглядом. – Но если убить его священным, то есть заговорённым оружием, то последствий можно избежать.

– Ну, так тащи своё оружие! – вновь разъярился Ятаро. – Мне надоело с вами болтать!

Самураи Такэды, окружившие Оникоджиму, начали сужать кольцо.

– Отойдите от него! – приказал Харунобу. – Я его отпущу! Пусть возвращается к своему господину, которому он так предан!

– Но господин! – возразил один из вассалов. – Он опасен! В сражении, он унесёт много жизней и создаст помеху в наших рядах! Лучше убить его сейчас, пока он без оружия!

Многие поддержали эти слова, но князь покачал головой.

– Конечно, вы правы. Я бы и сам так поступил, но, я помню добрые дела. Пусть Нагао говорит обо мне всё, что угодно, что я без чести, что выгнал своего отца и всякую чепуху. Однако, Ятаро ответь? Не ты ли сражался с моим «Красным отрядом» в деревне Фусэ, два года назад?

– Я был там! – ответил гигант. Гнев снова начал отступать, поскольку он научился его контролировать. Когда самураи Такэды начали расходиться, в бездумной ярости не было нужды. Ятаро прогнал её. С большим усилием, но он это сделал.

– И, это ты позволил их командиру уйти, дабы тот смог спасти моего сына, раненого в бою? – продолжал Харунобу.

– Я не знаю его имени, но да! Он был командиром! Я сражался с ним, но пощадил! – кивнул Ятаро.

– Он тоже не знал твоего, зато описал внешность в подробностях. Могучий воин, каких не было! В красной броне, знаками демона и со страшным оружием. – Такэда немного помолчал, следя за реакцией гиганта. С виду, тот был уже спокоен и князь, еле заметно, вздохнул облегчённо. – Того воина звали Обу Гэнджиро Масакагэ и он жаждет встретиться с тобой на поле брани. Его сейчас здесь нет, но поскольку я перед ним в долгу, то с удовольствием верну этот долг. Ступай Ятаро! И передай своему господину, что ему меня не победить!

Оникоджима выпрямился. Хмуρο оглядел всех, находившихся в маку, отвернулся, не поклонившись и направился к выходу. Этот бесцеремонный жест заставил всех вскипеть, но Такэда приказал оставаться на своих местах.

\* \* \*

*Месяц Фумидзуки(июль). Сайгава, Синано.*

Начался период застоя. Обе армии, как и месяц назад, не двигались с места. Кагэтора не мог перейти в наступление из-за реки, поскольку во время переправы, Такэда мог нанести непоправимый удар. Собственно, по этой же причине, князь Каи, тоже не спешил с наступлением. Так и стояли, день и ночь, мирно разглядывая позиции друг друга. Иногда построение менялось, но на это никто не обращал внимание, каждый ждал какой-нибудь ошибки. Войско

Такэды тоже окопалось на своей территории, и теперь нападение на него усложнялось во сто крат. Скучающие воины обеих сторон находили себе всяческие развлечения. Всё, что угодно, лишь бы не проводить день, сверля взглядом небо или землю.

Первое, что устроили воины, это всеобщую перепалку. Пехотинцы и низко ранговые самураи из Этиго и Каи, выстраивались отрядами, каждый на своём берегу и начинали крыть друг друга на чём свет стоит. Победителя выявляли по количеству разнообразных и неповторяющихся ругательств. Это своеобразное искусство, под названием гэнсэн<sup>6</sup> практиковалось не только среди пехоты-ашигару, но и в рядах полководцев. Самым главным сквернословом среди бусё, считали Какидзаки Кагэиэ, но его среди воинов не было, поэтому тут появились свои победители. Больше всего этого ужаснейшего словоблудия, вылетело из глоток воинов Этиго, которые и победили в этом состязании, получив от противника победный титул «хамских деревенщин». Но, как только этот галдёж дошёл до ушей полководцев, чемпионов тут же наградили заслуженной наградой, – рытьём траншей, в самой грязной местности.

На время сие «развлечения» прекратились, но после пары дней продолжились. Причём зачинщиками были не ашигару, а высокопоставленные самураи. У них-то забавы оказались не только жесткими, но и, как они утверждали, полезными. Воины, с двух сторон, устроили между собой стрельбище по живым мишеням. Расстояние между ними было не меньше пятидесяти шагов. Договорились об очерёдности. Сначала, самурай Этиго вставал на своём берегу, вооружённый мечом или копьём, по желанию, а его оппонент, на другом берегу, целился в него из лука. Живая мишень имела право только отбивать или ловить стрелы, уклонение и бегство приравнивалось к трусости и накладывало штраф. Прощтрафившаяся сторона пропускала ход и вновь становилась мишенью. Но, если всё шло гладко, то после своего хода, самурай Каи, менялся местами со своим противником, оставаясь на своем берегу. Всем было весело. Воинов даже не смущали пробоины в их кирасах, звоны в ушах, когда стрела попадала в шлем или лёгкие ранения. Иногда случались и казусы. Одному из северян насквозь прошло ногу, а противнику даже пробило доспех в бок и его унесли с игрищ на носилках. Закончив со своими соревнованиями, воины обменялись тыквами с сакэ, перекидывая их через реку и разошлись, каждый в свой лагерь.

Так и стояли.

Со временем, противники даже начали называть друг друга по именам, перекрикиваясь между собой о том, о сём.

Боевых действий по-прежнему не происходило. Князь Нагао, заскучавший, сам стал проводить тренировочно-соревновательные мероприятия между своими вассалами, самолично принимая участия. А иногда, Кагэтора удалялся в горы, для личной практики в эзотерике.

Так и стояли.

Но, человек такое существо, что может нарушить и такую военную идиллию.

В один прекрасный, солнечный день, собрался отряд ашигару из стана Этиго, повторить, не дающую им покоя, игру самураев. Вышли на берег, позвали противника, договорились и начали играть. То была та самая «весёлая» игра в живую мишень. Не додумались эти ашигару, что в данном развлечении нужны исключительные навыки, да к тому же крепкие доспехи. Ни того, ни другого у пехотинцев не было. Вот тут-то всё и началось. За прострелянными конечностями последовали ранения головы, лица и туловища. Стрелы прошивали их лёгкие кусари<sup>7</sup>,

---

<sup>6</sup> Гэнсэн или котобатакаи – «война слов». Как правило, сражения начинались с таких поединков. Выходили два воина-специалиста и начинали покрывать друг друга всеми возможными и невозможными ругательствами, на которые были способны.

<sup>7</sup> Кусари-до – тип доспехов отдалённо напоминающий европейскую кольчугу. Этот тип относился к дешёвым доспехам, предназначенным для пехоты-ашигару. Его делали из маленьких пластинок, кожаных или металлических, нашивая их на матерчатую основу и заполняя промежуток между ними металлическими кольцами, собственно кольчугой. Такие доспехи ещё называли татами до (складной доспех), потому, что он легко складывался и не занимал много места. Иногда, кольца просто нашивали на материал, что часто встречалось на наручах-котэ или надевали под одежду, как это водится в сомнительных

как игла пронзает тонкую ткань, рая во все части тела. Некоторым везло и их дешёвые и тонкие доспехи спасали их от ранений, но оставляли страшные синяки и ссадины. В скором времени, развлечение превратилось в настоящее побоище. Смертей не было, но не долго. Одному из ашигару Такэды, видно, опостылело то, что воины Этиго ранят его товарищей гораздо чаще, чем они их. Он, без своей очереди и предупреждение, достал откуда-то тэппо, быстро зарядил, прицелился и выстрелил в одного из противников, стоявшего на противоположном берегу. Если бы он промахнулся или хотя бы ранил, ничего не подозревавшего северного пехотинца, может всё бы смогли уладить миром, в конце концов, они были почти товарищи, за столько-то дней общения. Однако, пуля угодила ашигару Этиго, прямо в середину головы, разворотив его лицо в кровавую кашу.

Наступила тишина. Северяне панически разглядывали своего товарища, а люди из Каи, терпеливо ждали, что будет дальше. А дальше, тишина оборвалась так же быстро, как и наступила. Самый ближний к берегу, где «развлекались» пехотинцы, отряд, увидав, что произошло, кинулся к единственному мосту, что вёл на тот берег. Воины Такэды не стали себя упрашивать и бросились на встречу.

Столкновение случилось, когда бойцы Этиго уже почти перешли мост. Завязался бой. Сражались не только копьями и мечами, в сражение пошли даже те, кто в это время был занят работами, похватавшие с собой кирки, лопаты и внушительные молоты-оцучи, которыми работы вбивали столбы. Северяне пёрли с такой яростью, что воины Каи, уже через несколько минут боя начали отходить. За месяц с небольшим, бойцы настолько заскучали, что кидались в гущу битвы, словно обезвоженные, бросались в чистый водоём. Они, буквально, шли грудью на вражеские копья. Такой напористости отряд из Каи не ожидал, и пехота Этиго всё больше и больше продвигалась на «не свой берег». Бой был жестоким. Те, что были с копьями, шли в первых рядах, за ними, протискивались мечники, а когда порядок противника нарушался и создавалась брешь, туда устремлялись все остальные. Лопаты использовали как топоры или короткие копья, поражая противника по шее, горлу или по пальцам ног. За ними шли кирки, пробивая грудную клетку насквозь. Молоты крушили черепа и ломали конечности. Ашигару в своих круглых металлических шляпах-дзингаса, сильно уж напоминали гвозди со шляпками, которые вбивались в землю под ударом оцучи.

Как только отряд Этиго полностью оказался на другом берегу, по мосту ринулась конница. Какидзаки Кагэиэ, решив поддержать сражение кинулся в бой, выкрикивая своим хриплым, но зычным голосом, боевой клич. Он то и добил отступающую пехоту Каи, но тут же нарвался на подкрепление. Сначала его осыпали стрелами, а потом в бой пошли копейщики. Кагэиэ развернул свою конницу и хотел было устремиться назад по мосту, но было уже поздно. Мост был завален своими, которые, завидев подходящую вражескую армию, начали поспешно отступать. Какидзаки не мог продолжать бой в таких условиях, он либо погибнет, либо вернётся с большими потерями. Ни то, ни другое, для армии Этиго не являлось приоритетным, тем более лошадей у них и без того было мало. Кагэиэ решил отступить через реку. Благо вода уже спала и течение не было таким стремительным.

Выбор оказался правильным, и конница перебралась через Сайгаву без потерь. Почти без потерь. Войска Такэды решили проводить их залпом из тэппо и дождём стрел. Несколько лошадей было несерьёзно ранено, а некоторых всадников выбило из седла, что их пришлось вылавливать из воды баграми под обстрелом вражеских войск.

Бой закончился так же быстро, как и начался и всё пошло своим чередом. Только вот командующие отрядами северян, теми, что участвовали в бою, незамедлительно были вызваны в ставку князя.

\* \* \*

Нагаацу сидел перед князем, сжав губы, будто терпел нестерпимую боль или срочно желал справиться нужду. Глаза его были направлены в пол, но смотрели будто в пустоту. Тело его дрожало, но молодой самурай изо всех сил пытался сдерживаться. Провинность перед господином была самой страшной ошибкой, которая, как он себе представлял, может с ним произойти. Несмотря на то, что Нагаацу был воином не ахти каким, смерти он не страшился, а смерти в бою тем более. Служа господину с самого своего совершеннолетия, он всячески пытался выслужиться и показать себя доблестным бойцом и отменным командиром, но в итоге у него получалось лишь писать письма изысканным, каллиграфическим почерком и разбираться в многочисленных документах, коими князь зачастую пренебрегал. По сути, Нагаацу имел должность косё – оруженосца и личного слуги своего даймё. Функций у этой должности было хоть отбавляй. Косё должен знать о господине всё, когда он ложиться спать, когда просыпается, что будет есть на завтрак и ужин, какое косоде наденет, на какой лошади желает поехать и ещё много чего. Во время похода, оруженосец отвечал за сохранность и состояния экипировки князя, чистил и поил его боевого коня, надевал доспехи, а во время боя всегда был подле него и в случае необходимости подавал ему оружие, которое таскал за собой. Косё даже мог вступить в бой, если господину требовалась помощь или прикрывал его спину. За всяческие заслуги перед князем, оруженосцы, очень часто становились влиятельными кокудзин и главами больших кланов. Конечно, таких слуг у даймё было несколько и Нагаацу являлся самым бездарным в военном деле. Зато он прекрасно выполнял всё остальное, за что удостоился от своих соратников прозвище «домашнее косоде», что намекало на его мирские способности. Нагаацу обижался и из кожи вон лез, чтобы доказать обратное. Он даже вызвался стеречь переправу со своими, двумя сотнями ашигару и вот что из этого вышло.

– Гэнширо! – громко произнёс князь его личное имя. От голоса господина у Нагаацу по спине побежали мурашки. – Я тебя спрашиваю, как такое могло случиться? Подними голову и смотри мне в глаза!

Молодой косё, с гладким лицом, большими глазами и сросшимися на переносице, густыми бровями, медленно выпрямился и нерешительно посмотрел на господина.

– Я приказал не пускать на берег никого, без особого разрешения! – Кагэтора был недоволен. Он пронзал своим взглядом напуганного оруженосца, не применяя своих ментальных способностей. Он вообще старался не делать этого со своими вассалами. Только в крайних случаях. – Ты получал такое разрешение от гун бугё? Может, твои гасира получали разрешение? Что ты молчишь Гэнширо?

– Я-я сам разрешил им. – заикаясь, ответил Нагаацу. – Они решили сыграть в «живую мишень», как наши бусё.

Какидзаки расхохотался. Он сидел позади молодого косё, вызванный князем за то, что самовольно покинул свою позицию, рискуя потерей конницы. Даймё приструнил его испепеляющим взглядом и Кагэиэ умолк.

– Ну, так, что Гэнширо? – продолжил Кагэтора. – Объясни мне, как твои ашигару могли без жертв сыграть в такую игру? Ты первый раз видишь этих людей, которые тебе подчиняются?

– Нет, господин. – виновато и сдавленно произнёс Нагаацу. Кажется, он хотел заплакать, но держался изо всех сил. – Я не первый раз вижу их.

– Тогда ты должен знать, что ашигару выбраны из простолюдинов, крестьян, земледельцев, наскоро обученных воевать. Даже год обучения не хватит, чтобы хеймин смог поймать или отбить стрелу, выпущенную с пятидесяти шагов. – Кагэтора стал ещё суровей, его голос уже раздавался в голове оруженосца колокольным звоном. – Скажи мне, можешь ли ты отбить или поймать стрелу?

- Я-я не...
- Отвечай чётко!
- Я не уверен. – глаза Нагацу всё же увлажнились.
- Тогда почему ты разрешил делать это своим ашигару? Как видишь, твой поступок привёл к ряду последствий. Сначала ранение, потом убийство и в заключении ненужное сражение, которое чуть не лишило нас конницы. – Кагэтора перевёл взгляд на Какидзаки.
- Господин я... Простите меня! Я готов понести наказание! – отчаянно и надрывно выдал Нагацу.
- Понесёшь. – коротко бросил князь, не глядя на своего косё. – Кагэиэ, тебе сколько лет?
- Сорок три, господин! – почтительно поклонился самурай.
- Гэнширо исполнилось восемнадцать. Объясни мне Кагэиэ, чем воин восемнадцати лет, отличается от воина сорока трёх лет? – спросил Кагэтора.
- Опыт и умением, господин! – прорычал Какидзаки.
- Кроме того, этот воин, сорока трёх лет, является бусё, дайсё и кокудзин с очень большими землями. – дополнил князь ответ своего вассала. – А теперь скажи мне Кагэиэ, почему я сегодня не заметил разницы между тобой и Гэнширо?
- Я спасал молодого Нагацу от гибели! – громко заявил Какидзаки. – Если бы мои всадники не подспели вовремя, его отряд перебили бы враги!
- Он сам повинен в том, что чуть не погиб. – строго сказал Кагэтора. – Тем более, рядом стояли воины Сайто, они смогли бы вывести Гэнширо из боя.
- Отряд Сайто пеший, он не поспел бы вовремя! – отстаивал свою позицию Кагэиэ. – Кагэтора-сама, вы сами всегда говорили, что нужно уберечь каждого человека! Это значит, что мы должны поддерживать друг друга, выручать, не бросать!
- Это верно. – согласился князь и казалось он смягчился, но нет. – И мы уберegli бы больше людей, если бы не ошибка Гэнширо.
- Все умолкли. Нагацу ждал приговора, а Кагэиэ переживал больше за него, чем за себя. Кагэтора выдержал долгую паузу.
- Шибата Гэнширо Нагацу! – после долгого молчания провозгласил князь. – Ты больше не мой косё! Теперь ты самостоятельный бусё, представитель своего клана в моей армии. Я лишаю тебя командования над двумя сотнями ашигару и передаю их Шимодэ Шинсиро Фуджикагэ, моему родственнику. Ты же поступаешь под начало Санпонджи Саданаги и будешь стоять у слияния рек Сусохана и Сай. Ты понял меня?
- Да господин! – Нагацу чувствовал себя угнетённым. Мало того, что даймё прогнал его от себя, так ещё лишил командования и отдал под начало Санпонджи, этого бахвала, грубияна и пьяницы. Его, наследника клана Шибата, самого богатого клана в Этиго, после Нагао. Так низко пасть из-за одного лишь проступка. «Лучше бы я совершил сэппуку. – подумал про себя Нагацу. – Хотя, нет, не лучше. Ничего, я ещё докажу князю, что достоин его похвалы!».
- Господин! – обратился к Кагэторе Кагэиэ. – Но Санпонджи ведь стоит рядом со мной? А в том месте, о котором вы говорите, сейчас рыщут нокидзару вместе с Каджи!
- Больше не стоит. – отрезал князь Нагао. – Я слышал, что во время атаки ты был пьян. Саданага весьма способствовал этому, навещая твой лагерь каждый вечер, разве не так?
- Так, господин. – сквозь зубы процедил Кагэиэ, проклиная про себя шпионов и доносчиков Усами. – Я всё понял.
- Я рад. – одобрительно кивнул Кагэтора – Отныне, дисциплина в лагере будет усилена вдвое! Все вопросы будете согласовывать с гун бугё<sup>8</sup> Иробэ Кацунага! Ни одного шага без его согласия, это понятно? – вассалы дружно согласились. Теперь князь позволил себе немного

---

<sup>8</sup> Гун-бугё – начальник штаба в военное время.

улыбнуться. – И всё-таки, даже сегодняшняя глупость обернулась для нас небольшой победой. Наши воины показали, что гораздо лучше подготовлены, чем воины Такэды.

Последние слова немного сняли напряжение. Они заставили самураев Этиго расслабиться. Чувство, что они превосходят врага в умениях, усыпило их бдительность. Это была ещё одна ошибка, допущенная воинством севера, а значит и самим Кагэторой.

\* \* \*

Ночь была безлунной, поэтому в лагере Этиго удвоили число факелов и фонарей. Стража на стенах и ягура не смыкала глаз, но всё же, из-за отдалённости вражеской армии и многодневного затишья, внимание их ослабло. Лагерь очень хорошо освещался внутри и немного снаружи. Патрули нередко ходили и по периметру наружной стены, что усиливало безопасность. Несколько раз за ночь были слышны переделки и каждый раз новые пароли, обговоренные заранее. Казалось, через такую защиту невозможно проскользнуть даже какой-нибудь ползучей гадине. Но, то гадина, а для человека нет никаких преград. Особенно, если человек способен подражать птице.

Он спустился с неба на самой тёмной стороне лагеря, в самом тылу, в то самое время, когда патрульные разошлись в разные стороны. Человек или же существо, очень похожее на него, невысокое, лохматое или пернатое, оказавшись на земле, юркнуло в тёмный угол лагерной стены. Замерев в одной позе, он укутался в накидку из тёмных перьев и практически слился с темнотой. Никто не мог его заметить, если специально не посветит. Патрульные не светили и проходили мимо.

Человек, если это был он, дождался, когда стражники снова разойдутся и повернутся к нему спиной. Он высунул из-под перьев свою уродливую, длинноносую голову, приложил к губам, вполне человеческим, узкую трубку и едва слышно дунул. Сначала упал один из стражников, потом, когда пернатый дунул второй раз, свалился второй. Пока на стенах не появился очередной патруль, ночной летун убрал тела, спрятав их в густой траве, в пятнадцати шагах от лагеря. Сделал он всё быстро и без лишнего шума.

Вскоре, на стене появился очередной страж и перегнулся через ограждение, чтобы осветить местность снаружи. Удивление его было не долгим. Мало того, что он не увидел своих соратников, которые должны были появиться здесь одновременно с ним, так ещё и увиденное заставило его замереть от страха. Некое пернатое существо с красным лицом, длинным носом и всклокоченными, седыми волосами смотрело на него, лёжа на земле. Оно поднесло к губам трубку и через мгновение, страж повалился через стену, упав рядом с чудовищем. Этого летун утаскивать не стал, а приложил плотно к стене.

Выждав немного времени, пернатый заскользил вдоль стены, ещё дальше удаляясь в неосвещённую часть лагеря. Всю дорогу он проверял почву под ногами, используя некую раздвижную трость, которую достал из-за своей оперённой накидки. Наткнувшись на небольшой валун, летун остановился. Издав, исключительно точный, крик совы, он прислонился к стене ухом. Через какое-то время, по другую сторону раздался шёпот:

- Тэнгу, тэнгу, научи меня ждать.
- Ждать – удел вечных, людям не понять. – последовал ответ из уст пернатого.
- Тэнгу, тэнгу, покажи, как горит огонь. – вновь зашептали за стеной.
- Огонь – оружие вечных, людям не совладать. – ответил тэнгу.

Через недолгое время, пернатый услышал потрескивание подожжённого дерева и звук горящего пламени. Тэнгу бесшумно зашевелил губами, будто читал молитву и загнул пальцы в замысловатый знак, замерев на месте. Простояв так несколько ударов сердца, он сорвался с места и расправив свою накидку, словно крылья, устремился в противоположную от лагеря сторону. За спиной послышались человеческие крики и ругань. Люди требовали воду, чтобы

потушить горящий амбар. Если со стены, кто-то не отвлекшийся на пожар, увидел, как от их лагеря летит одинокая сова, то не придавал этому значение. Сова – ночная птица и нередко залетает к людям, а увидев пламя, каждый зверь бежит и ищет спасения.

Наутро, в нескольких ри к востоку от лагеря армии Этиго, у придорожного святилища, высеченного в скале, сидел одинокий монах. Помолившись за усопших, он поклонился алтарю и присел рядом, прислонившись спиной к камням. То был обычный ямабуси, в дорожной, красно-белой одежде, с четырьмя помпонами-бонтэн на груди, в маленькой шапочке на завязке, сдвинутой на лоб и длинным посохом с металлическим навершием, с закреплёнными на нём кольцами. Подобным образом одевались последователи сюгэндо – бродяги и отшельники, жившие в горах и странствующие по стране в поисках знаний и занимавшиеся пропагандой своей веры. Этот монах был не исключением и по его виду, легко можно было догадаться, что он давно уже странствует по земле, неся свет своей веры. Помимо пыльной одежды, рваных сандалий и грязных, седых волос, у него была пошарпанная, наверняка пустая, корзина, которую он таскал за плечами. В такую корзину, они обычно собирали подаяния, – еду, одежду, дрова для костра и очень редко деньги. Казалось, странствующий монах задремал, но его глаза были полуприкрыты, и он следил за всем, что происходит вокруг него.

Вскоре, к святилищу подошёл ещё один человек, тоже монах, но совершенно другой веры, что можно было определить по одежде. На этом другом, была тёмная, длинная хламида, с прохуdivшейся сумкой на груди и соломенная, широкополая шляпа, покрывавшая бритую голову. Он присел перед алтарём, поклонился, помолился, и не отрывая глаз от святилища, произнёс:

– Томита Годзаэмон, я полагаю?

Ямабуси лишь медленно опустил веки, тоже не глядя на второго монаха.

– Говорят, этой ночью было очень жарко, словно при свете дня? – спросил молящийся.

– Во всём виновата бешеная пляска тэнгу. – ответил бродяга, названный Годзаэмоном. – У них очень скверный характер, поэтому от их веселья часто страдают люди.

– Что есть, то есть. – согласился монах в шляпе. – Но некоего господина из Каи, весьма забавляют подобные вещи.

– Передайте ему моё почтение. – Томита еле заметно поклонился.

– Непременно. – произнёс другой монах. Он ещё раз поклонился и поднявшись молча пошёл своей дорогой. Вскоре и Годзаэмон поднялся, закинул корзину за плечи и направился в противоположную сторону, звеня кольцами своего посоха.

## Глава 3

### Грабёж, как тактический ход

*Месяц Хадзуки(август). Сайгава, Синано.*

– Это необходимость, господин! – убеждал князя Усами. – Как можно думать о таких пустяках, когда армия на грани голода.

– Пустяки, Усами!? – не сдержал эмоций Кагэтора. – По-твоему, грабёж мирных жителей, это пустяки?! Вы и так, прошлый раз убедили меня сжечь земли двух уездов, теперь ты хочешь уговорить меня обобрать хэйминов! Мы армия Этиго, воины, самураи, мы не разбойники!

– Если вы не согласитесь на моё предложение, у вас не будет ни воинов, ни самураев, ни армии. – Садамицу с виду был спокоен, но его нервное моргание, выдавало раздражение, которое он испытывал при разговоре с князем. – И домой вы вернётесь с поражением. Если бы мы не потеряли амбары с провизией, то можно было ещё продержаться, но случилось то, что случилось. Это длительное стояние не приводит ни к чему хорошему. Мы впустую тратим время, деньги и еду.

– Атаковать мы тоже не в силах, потому, что Такэда тут же бросится на нас во время переправы. – поддержал Какидзаки.

– А самое главное, что Такэда тоже не может нас атаковать по той же причине. – посетовал Иробэ. – Вот если бы мы двинулись одновременно с противником и встретились на середине реки...

– Брось эти сказки Кацунага-сан, этому не бывать. – прервал северянина Накадзё. – Я поддерживаю Усами, но хочу внести некоторые поправки.

– Какие ещё поправки? – Садамицу заинтересованно поглядел на старика. Обычно Фуджисукэ лишь участвовал в сражениях и мало давал советы по тактике и стратегии. Хотя, Усами знал, что этот бойкий старичок много натворил в своё время, пуская в ход не только два своих меча.

– Я считаю, – Накадзё хитро ухмыльнулся. – что пока не нужно грабить деревни, но только пока. В конце месяца они соберут урожай и начнут прятать его в свои тайники, поскольку знают, что недалеко стоят две враждующие армии, готовые в любой момент отобрать у них последнее. Нам нужно упредить это и нагрянуть во время сбора. Причём сделать это нужно на территории врага, потому как именно с них и будет кормиться Такэда. Тех же, что находятся на нашей земле, следует строго контролировать, потому как, в случае неудачи, нам придётся питаться за счёт их.

– То есть, в противном случае, нам всё равно придётся их обобрать? – уточнил князь, глядя на Фуджисукэ.

– Господин, здешним хэйминам глубоко плевать, кто их грабит, мы или Такэда, для них мы все одинаковые. – снова включился в разговор Усами. – Но если вы так не желаете прослыть в лице простолюдинов жестоким полководцем, то пусть этим займётся Мураками. Это его земли, так пусть на него и падёт гнев простого люда. – все, присутствующие на совете расхохотались.

– И ещё, – решил добавить Садамицу. – Такэда, наверняка будет делать тоже самое, поскольку его армия больше чем наша, а его родная провинция далеко. Поэтому, нам нужно быть вдвойне, я бы даже сказал, втройне бдительными.

– Значит, Накадзё предлагает мне рейд по тылам Такэды, а Усами обобрать местных? – попытожил Кагэтора.

– Но ведь вы не хотите везти провизию из Этиго? – вопросом на вопрос ответил Садамицу.

– Нет. Наши люди не должны страдать от голода, лишь потому, что мы застряли в чужих землях. – согласился князь. – Хороший полководец кормится за счёт врага.

– Вот видите, – одобрительно покачал головой Накадзё. – Вы и сами пришли к этому выводу.

– Не совсем. Раз уж мы заговорили о рейде, что вы ответите на то, если мы ограбим самого Такэду? – Кагэтора обвёл взглядом вассалов. Он видел, как загорелись их глаза. За два с лишним месяца они так умаялись от безделья, что готовы были на любую авантюру. Князь продолжил. – Наши шпионы докладывали, будто припасы наш враг возит с юга Синано или из Каи и он будет их возить до тех пор пока на полях не соберут урожай. Нужно узнать, когда он ожидает следующую поставку, выбрать местность и напасть. Такэда наверняка не ожидает от нас такого хода.

– Хороший план господин. – кивнул Усами. – Мои нокидзару готовы и непременно займутся этим.

При слове «нокидзару», что-то дрогнуло внутри Кагэторы, но он предпочёл смолчать и отбросить неподобающие ему мысли. Хотя, вопрос, который он хотел задать Садамицу, постоянно вертелся на языке.

– Пусть Каджи и Амакасу возглавят рейд, у них хорошо получается действовать на чужой территории. – приказал даймё.

– Но почему снова не я?! – прорычал отчаянно Какидзаки. – Я хочу поквитаться с Такэдой за его тэнгу!

– Какого ещё тэнгу? – не понял Кагэтора. – Ты снова пьян Кагэиэ?

– Я трезв, как никогда! – самурай ударил себя кулаком в грудь. – Я говорю о тэнгу, который поджёг наши амбары с припасами!

– Это был не тэнгу. – возразил Сайто.

– Но, ты же сам говорил, что кроме трёх трупов не обнаружил никаких следов, не иначе, как кто-то спустился с неба и точно так же поднялся. – настаивал Кагэиэ. – А стража утверждает, что видела большую птицу в том месте, где произошёл пожар. Какая птица, кроме совы будет летать по ночам. Сова не могла поджечь амбар, значит, это был тэнгу!

– Я поражаюсь твоей прозорливости Кагэиэ-сан. – усмехнулся Сайто Томонобу. – Но смею тебя огорчить, что тэнгу не действуют в интересах людей, да и ради забавы, вряд ли будут забираться в лагерь полный воинов. Они, конечно, достаточно сильны чтобы раскидать сотни человек, но не думаю, что это были тэнгу. Тем более, в этой части Хиномото их никто не видел добрых несколько сотен лет.

– А где тогда следы, что-то должно было остаться? – не унимался Какидзаки. – Говорю тебе, это был тэнгу, он прилетел с неба и так же улетел!

Самураи дружно смеялись над рассуждениями Кагэиэ, а Томонобу безнадежно закатил глаза.

– Так, хватит рассказывать друг другу небылицы. – успокоил их Кагэтора. – Какидзаки, ты командир конницы и этим всё сказано. Ты будешь стоять на своём месте, а рейды предоставь другим. Тэнгу совершил поджог или нет, но Такэда узнает, что и у нас есть чем ответить.

\* \* \*

Их было немного, всего- то сто человек, вместе с нокидзару. Возглавляли рейдовую группу Каджи Харуцуна именуемый у шиноби не иначе как Оками и Амакасу Кагэмочи, лучший друг князя с самого детства. Все они были одеты в тёмные одежды и облачены в чёрные, простые, кожаные доспехи, чтобы легче было передвигаться по лесам и горам и издавать как можно меньше шума. Вся сотня была рассредоточена вдоль дороги, ведущей из южной Синано к основному лагерю армии Такэды, на покатых склонах гор, поросших зелёным листовым

лесом. По другую сторону дороги, находился крутой обрыв с каменистым дном и маленькой речушкой. Здесь они сидели уже несколько часов, практически не двигаясь с места. Посланная недавно разведка, вернулась с новостями, доложив о приближении обоза из владений клана Кисо, который не так давно перешёл на службу к Такэде.

– Скоро они будут здесь. – передал новости Амакасу. – Разведка насчитала не больше двадцати воинов, пятнадцать из которых простые ашигару, остальные носильщики. – Кагэмочи пренебрежительно хмыкнул. – Видать Такэда чувствует себя рыбой в воде, раз снарядил такую немногочисленную охрану. Обоз, говорят, богатый! Кисо постарались, чтобы задница их нового господина зеркально блестела!

– Не считает нас Такэда серьёзным противником, раз так поступает. – скривился Каджи, наблюдая за дорогой из-за ствола кудрявого клёна. – Сюрприз ему преподнесём. – и бросил через плечо. – Нами, у тебя всё готово?

– Да Оками-сама! – послышался голос девушки из-за спины.

– Тогда все по местам, они уже близко! – скомандовал Каджи, увидав, как из ближайшего леса, на дороге стали появляться люди с отличительными знаками Такэды.

Из леса, которого появился обоз врага, дорога вела прямо вплотную к тем горам, где прятались воины Этиго. Доставщикам пришлось вытянуть свою кавалькаду в узкую линию, чтобы преодолеть самый узкий участок, где от обрыва до горы, дорога сужалась до четырёх-пяти шагов. Потом местность расширялась и доходила аж до пятидесяти шагов и образовывала небольшой пятачок, голый и каменистый. Когда вся процессия вошла на пятак, дорогу им преградил вооруженный отряд, с молодым воином во главе.

– Это конец вашего пути! – крикнул Амакасу, тому, кто шёл самым первым.

Весь обоз встал. Носильщики опустили свои носилки и тачки, а воины, все до единого, вышли вперёд и построились в одну линию, ошетилившись копьями. Кагэмочи лишь нагло усмехнулся, ведь за его спиной стояло не меньше пятидесяти человек.

– Это поставка нашему князю Такэде Харунобу! – немного подрагивающим голосом, выкрикнул командующий обозом. – Вы не смеете преграждать нам путь! В сторону или вас строго накажут!

– Нас никто не накажет, если не узнает! – заявил Кагэмочи. – Предлагаю вам отойти в сторону, а то вместе с вами мы нечаянно пришибём и носильщиков, а они нам о-очень нужны!

– Да кто вы такие!? – ещё сильнее задрожал обозный. – Разбойники? Харунобу-сама вас сварит живьём за такие дела!

– Ага, пусть приправить не забудет! – засмеялся Амакасу. – Хотя, как он приправит, если нечем будет! Ладно, хватит трепаться! – Кагэмочи вдруг свистнул.

Сразу же засвистели стрелы, скашивая растерявшихся охранников обоза. Остальные же, бросились в обратную сторону, не ту, где под дождём стрел гибла их охрана. Однако, тот самый узкий участок, между горой и обрывом, оказался завален, смотанными меж собой сухими ветками, едва ли не в два человеческих роста. Носильщики недолго думали, увидев, как предводитель разбойников, с наглым взглядом, уже разделался с охраной и приближается к ним. Все они бросились взбираться по веткам, царапая кожу и разрывая свою одежду. Их было около тридцати и на участке в четыре шага, образовалась самая настоящая свалка из человеческих, пока ещё движущихся тел. Они топтали друг друга, взбирались по головам своих товарищей, лишь бы не попасться в руки разбойников. Тем, кому удалось перебраться через завал, приходилось не сладко, поскольку там их встречал небольшой отряд Нами. Некоторых, забравшихся выше всех, снимали лучники Каджи, метко бьющие с горы. Парочка, совсем уж запаниковавших, сиганула в пропасть, думая, наверное, что там будет спасение. Остальные начали понемногу успокаиваться и сжались в кучку. Все как один, воззрились на Амакасу, жалобно и со страхом.

Кагэмочи не переменился в лице ни на мгновение и по-прежнему лукаво ухмылялся. Голос его звучал насмешливо и доминирующе.

– Ну, что же вы остолопы! – начал он. – Я же сказал, носильщики нам нужны, воины нет! Что здесь было неясно?! Из-за вашей глупости, некоторые из вас погибли, хотя могли бы остаться в живых. Нам нужно лишь, чтобы вы взяли то, что несли и продолжили свой путь, только немного другой дорогой и под новой охраной.

– А, что потом с нами будет?! – спросили разом несколько носильщиков.

– Мы вас отпустим, зачем нам лишние рты. – пожал плечами Кагэмочи.

– А если нет? Если вы нас убьёте? Где гарантии?

Амакасу не ответил. Он резко прыгнул вперёд, молниеносно вынул из ножен меч и снёс крикуну голову одним ударом.

– Это все гарантии. – уже сурово произнёс Кагэмочи, стряхивая кровь с блестящего клинка и отправляя его обратно в ножны. – Либо вы несёте поклажу, либо ляжете прямо здесь. Всё ясно!

Носильщики закивали. Сразу было видно, что набраны они были из простых крестьян, согнанных с собственных полей, чтобы доставить Такэде припасы, столько страху было в их глазах и столько безволия.

Собрались быстро, только теперь носильщикам пришлось вдвое тяжелее, поскольку во время короткого боя их малость поубавилось примерно на десяток пар рук. Небольшие и не тяжёлые поклажи пришлось взять на себя людям Каджи и Амакасу. Шли не быстро, горами и лесами, чтобы враги, чего доброго их не заметили. Переговаривались в полголоса или условными знаками. Носильщикам завязали рты. Пару часов всё шло спокойно и размеренно, пока перед Каджи не появился Бидзару. То был лохматый шиноби-нокидзару с обезьяньей внешностью.

– У нас проблемы Оками-сан. – без эмоций произнёс он.

– Когда я тебя вижу у нас всегда проблемы. – оскалился Харуцуна и сплюнул в сторону. – Что случилось?

– За нами погоня. – так же спокойно ответил Бидзару. – Видимо они хотели встретить обоз, но опоздали. Их много. Больше трёх сотен, есть конные и много лучников.

– Лучники – это плохо. – покачал головой Каджи. – Мон на знамёнах видел?

– Восемь малых, чёрных кругов, вокруг большого, на жёлтом поле. – быстро проговорил шиноби.

– Проклятье! – выругался Харуцуна и ещё раз сплюнул, но уже с презрением. – Пусть ёкаи их поймут!

– Знаешь, кто это? – осведомился Амакасу, находившийся рядом и слышавший весь разговор.

– Видимо да. – отозвался Каджи. – Косака Масанобу, у него замок к западу от этих мест. Он молод, но достаточно умён. К тому же, у них сил втрое больше, а эти наши носильщики сродни улиткам.

– Что будем делать? – Кагэмочи был взволнован, но не показывал этого, лишь неуверенно погладил свой переломанный и перечёркнутый шрамом нос. – Убьём пленников, тогда нам придётся всё тащить самим и если нас нагонят, то не в силах будем оборониться. Не убьём, то нас настигнут. Сбросим груз – вся миссия впустую.

– Ты прав, ты прав. – задумался Харуцуна. – Если мы не предпримем ещё кое-что. – он повернулся к своим людям, всё ещё продолжавшим движение и окликнул: – Нами! Ко мне! Быстро!

Девушка появилась за пару ударов сердца. Несмотря на то, что она уже несколько лет вела походный и боевой образ жизни, её лицо ничуть не огрубело и по-прежнему сияло красотой и

юностью. Несмотря на мужскую одежду, её женственность никуда не испарилась, лишь только ладони покрылись мозолями от частого использования лука.

– Слушаю, Оками-сама! – словно солдат, произнесла она.

– Слушай меня Нами! – Каджи строго взглянул на склонившуюся перед ним девушку. – Ты самая лёгкая и быстрая, поэтому ты побежишь! Побежишь так, словно за тобой гонятся стая голодных собак, как за свежим куском мяса, пахнущим кровью! Поняла?!

– Да, Оками-сама! Куда мне нужно бежать?

– У слияния Сусоханогавы и Сайгавы стоит отряд Санпонджи, он самый ближний к нам! К нему ты и побежишь. Передай, что нас преследуют войска Такэды и нам нужна помощь, чтобы доставить провизию в наш лагерь. После того, как передашь это ему, отправляйся к своему отцу и скажи тоже, самое. Ясно?!

– Хай!

– Тогда вперёд!

Каджи проследил, как Нами в одно мгновение скрылась из виду, растворившись между стволов соснового леса, и повернулся к Амакасу и Бидзару.

– Кагэмочи, иди в арьергард и подгоняй этих недомерков, если будут медлить, убей кого-нибудь, но только скарб не оставляй. Бидзару, следи за Косака и докладывай обо всех его передвижениях!

Амакасу поначалу замялся на месте, приказной тон Каджи его не устраивал, но он смог побороть гордость, поскольку понимал, что всё это нужно для общего дела. К тому же, Харуцуна был старше его лет на двадцать и много опытней, если не брать в расчёт его более низкий статус и не совсем вменяемый рассудок. Подавив вспышку гнева, Кагэмочи кивнул и отправился выполнять поручение. Каджи же стремглав бросился в голову отряда, он во что бы то ни стало задался целью, найти для них надёжное укрытие, где они смогут оборониться и дожидаться подкрепления.

\* \* \*

Саданага выпил сакэ не залпом, а немного посмаковал. На этот раз, кампанию ему составлял не Какидзаки Кагэиэ, а молодой Шибата Нагаацу, попавший в немилость к своему даймё. Санпонджи, как обычно, был навеселе, болтал без умолку о своих подвигах, правдивых и не очень и потягивал сакэ, закусывая сушёной рыбой и рисовой лепёшкой. Нагаацу делал вид, что слушал бахвальство старшего товарища, но думал о своём. У него не выходило из головы, что, когда он явится домой, отец начнёт упрекать его за провинность перед князем и ещё, чего доброго, лишит наследства. Клан Шибата, являлся в Этиго самым богатым, после Нагао и очень влиятельным в соседних провинциях и если кто-то узнает, что наследник такого клана негоден своему господину, то и в семье для него нет места. К тому же у отца был ещё младший сын, который вот-вот ступит на порог взрослой жизни.

Нагаацу тревожно вздохнул, что не укрылось от Саданаги.

– Знаешь, юноша! – громко сказал Санпонджи. – Не всё так плохо. Кагэтора-сама ведь не изгнал тебя, а всего лишь дал немного самостоятельности.

– Под вашим началом и в самом одолении. – неуверенно покосился на товарища Шибата.

– Я и говорю – немного! – Саданага добродушно улыбнулся и потрепал молодого самурая за плечо. – Не горюй ты так! Мы обязательно отличимся в этой войне! Со мной ты не пропадёшь!

– Разве, что рыбы наловим для армии. – недоверчиво произнёс Нагаацу, отстраняясь от своего собеседника, дабы тот своими жирными руками не запачкал его ещё больше.

– Вот увидишь! – продолжал успокаивать юношу Санпонджи. – Не сегодня, так завтра, прибежит посыльный и скажет, – «Саданага-сама, пора в бой!». Тогда-то и настанет твой звёздный час, если конечно будешь держаться меня!

Шибата лишь хмыкнул и отвернулся. Саданага налил себе ещё сакэ и так же, посмаковав, выпил. За несколько лет, этот самурай обзавёлся густой чёрной бородой и небольшим животом, что придавали его могучей фигуре грубоватый вид. Теперь он напоминал Какидзаки или Иробэ, которые частенько отпугивают людей своими, внешностью и поведением. Только те двое были намного лучшего телосложения, а Санпонджи, похоже, слишком злоупотреблял кревоугодием. Ещё, впечатление о нём портили, чрезмерная болтливость и хвастовство.

Именно поэтому, Нагацу больше не надеялся отличиться и оправдать себя перед Кагэторой. Единственное, в чём он мог проявить себя, так это напиться со своим соратником до беспамятства и пойти под военный трибунал.

В конце концов, Шибате надоело размышлять о злом роке и вдыхать перегар своего собеседника, и он решил выйти на свежий воздух. Дом, в котором они обосновались, был брошенным жилищем одного из селян деревни, где расположился их отряд. Здесь стояло не больше шести, семи домов, а жители, как это водиться, убежали в горы, завидев подходящую армию. Никто не хотел прислуживать, быть обобраным или битым воинами, пока они изнывают от скуки и безделья. К тому же, если бы в деревне находились молодые или не совсем старые, женщины, большинство этих храбрых молодцов не преминули бы удовлетворить свои природные инстинкты. А бывали случаи, что воины могли « позабавиться » и с молодыми мальчиками. Так уж бывает. На войне ничем не брезговали. Хотя, в армии Этиго за такие поступки наказывали и очень строго, порой даже казнью. Всё потому, что Кагэтора не любил угнетать людей, не простых не каких-либо ещё. Он запрещал мародёрство, насилие, грабёж и убийство, по отношению к простолюдинам. Многие, конечно, находили способ, обойти эти запреты и у них даже получалось. Но, если кто-то попался, то ничто его уже не могло спасти от справедливого суда даймё Этиго.

Нагацу вышел за ограду. Весь их отряд, в три с небольшим сотни, был рассредоточен вокруг дома командующих. Командиры – гасира и всадники, тоже обустроились в домах, только поменьше и победнее, а вся пехота, сутками напролёт, проводила под открытым небом. Это лето выдалось достаточно прохладным, особенно по ночам, поэтому костры не затухали. Шибата огляделся вокруг и хотел было прогуляться по лагерю. Всё лучше, чем слушать небылицы Саданаги. Однако, едва он сделал пару шагов, как часовые подняли тревогу. Через недолгое время, Нагацу узнал о прибытии гонца от рейдового отряда Каджи Харуцуны. Юноша, в предвкушении, закусил нижнюю губу.

\* \* \*

Осада горы, продолжалась уже больше часа. Никто из отряда Косаки Масанобу не мог взобраться наверх, ровно, как и оттуда никто не в силах был спуститься. Гора была похожа на шапку-эбоши, с крутыми, скалистыми склонами, округлой, удлинённой вершиной и одной единственной узкой тропой. Те, что ограбили обоз Такэды, решили укрыться на вершине и тем самым, подписали себе смертный приговор. Сдаваться они не хотели, но и с боем вырваться не могли. Косака, тоже не желал кидать своих воинов на вершину, поскольку, на узкой тропе гору легко можно было оборонить. Поэтому, он последний раз предложил грабителям сдаться, отдать украденное и тогда он гарантирует им мгновенную смерть. Если же нет, то он закидает гору огненными стрелами, а поскольку растительности на вершине было достаточно, то и результат был очевиден. Для убедительности, воины Такэды начали разжигать костёр. Грабители обещали подумать. Косака, снизошёл до них и дал им время в четверть часа. Солнце в это время начало опускаться к закату.

Масанобу был далеко не глуп и догадывался, что сие грабители могли являться людьми Нагао, которые, как и армия Такэды, страдали от недостатка припасов. Видимо они не пошли лёгким путём, чтобы ободрать местных хейминов, а прикинувшись разбойным отрядом, ограбили обоз своего противника. Как думал Косака, это был достаточно умный ход, хоть и рискованный и его господин поступил бы также, в сложившейся ситуации. Но, у Харунобу-самы положение сложилось несколько лучше. Помимо того, что он владел почти всей огромной провинцией Синано, так у него ещё были союзники в лице Ходзэ и Имагава. Правда, на поставку уходило много средств, но их у Такэды было достаточно.

Масанобу взглянул на солнце, медленно спускающееся к лохматым вершинам далёких гор. Скоро начнёт смеркаться, а грабители всё ещё сидят на горе и тянут время. Не иначе, как они ждут подкрепление. Они вполне могли послать гонца вперёд с просьбой о подмоге, когда заметили его преследующий отряд. Нужно было действовать быстро.

Косака встал у начала тропы, ведущей на гору, и посмотрел на её вершину. Он был невысок, но его тёмного цвета доспехи и маска наполовину лица, предавали ему мужественный вид. Дело в том, что Масанобу в свои двадцать девять лет, обладал весьма тонкими и нежными чертами лица, что очень мешало ему руководить мужественными и иссечёнными шрамами, воинами. В отличии от своих учителей, Ямамото и Санады, которые своим видом уже внушали страх, Косаку просто не воспринимали всерьёз. Поэтому, по совету одного очень хитрого человека, Масанобу, во время боевых действий стал носить маску и не снимал её даже во время переходов и привалов. Это действительно помогло, поскольку голос у Косаки был весьма мужской, а пытливый ум, боевые навыки и умение командовать, поставили его в один ряд с именитыми бусэ клана Такэды.

– Ваше время вышло! – набрав побольше воздуха, прокричал Масанобу. – Сдавайтесь или сгорите заживо!

– Мы спускаемся! – раздался грубый голос предводителя.

Через некоторое время на тропе показалось несколько воинов. Возглавлял их высокий худощавый мужчина с необычной юношеской причёской, с опущенной чёлкой и очень кривым лицом. Образ его дополнял весьма длинный меч, который он нёс на плече. Не дать, не взять, а самый настоящий разбойник-акуто.

– Оружие бросьте на землю! – скомандовал Косака, недоверчиво глядя на приближающуюся группу. Всё его нутро твердило, что где-то должен быть подвох.

Разбойники подошли ещё ближе, но оружие не бросили. У некоторых из них были луки. Масанобу занервничал. Его желваки заметно заходили под маской. Решение принимать нужно было быстро.

– Убить их! – неожиданно закричал он своим людям.

Лучники в один миг послали залп стрел в тех, кто недавно стоял на тропе. Но, разбойники бросились в рассыпную, едва Косака закончил фразу. В этот же момент, послышался звон тетивы, но совсем с другой стороны. Масанобу обернулся. Это было подкрепление Этиго, Косака узнал их по знамёнам. Они ударили внезапно, в тыл из самого неожиданного места, – из заросшего кустарником оврага. Пока воины Такэда были заняты мнимой сдачей грабителей, их подмога смогла незаметно зайти им в тыл и атаковать вкуче с теми, кто был на горе. Косаке пришлось быстро собраться и расставить воинов так, чтобы их не взяли в «клещи».

После того, как лучники Этиго проредили первые ряды, в бой пошла пехота. Стрелы отряда Такэды не переставали «петь» на лету, пока дело не дошло до рукопашной схватки. Ожесточённые и озлобленные друг на друга, отчасти из-за учинённого грабежа, а отчасти из-за длительного застоя, обе стороны жестоко схватились на краю оврага. Для умелого манёвра ни у одной из сторон не было места, поскольку мешали, раскиданные в беспорядке деревья и кустарники. Бой закипел в полном хаосе. «Грабители» из армии Этиго, большей частью спустились с горы и тоже вступили в схватку. Их предводитель с длинным мечом, сражался ярост-

ней всех. Своим дайто, в три сяку длинной, он разрубал вражеские копыя и кидался вперёд, отрубая руки, круша черепа и проламывая шлемы. Остальные его товарищи шли за ним и не давали противнику зайти к нему с флангов. Задние их ряды, поддерживали соратников стрелами, стреляя почти в упор.

Косака уже давно понял, что сил у него больше, чем у противника, но внезапное нападение могло и обернуться для него плачевно. Он приказал своим самураям седлать коней, чтобы переломить ход боя. Всадников у него было около сорока, и они легко могли обойти основное поле боя, ударить по подкреплению лучников Этиго, стоявших у оврага и скинуть их вниз. Масанобу даже почти воплотил свой план в действие, но, когда до противника оставалось около тридцати шагов, он услышал боевой клич, доносившийся совершенно, с другой стороны.

Санпонджи Саданага, хоть и был простаком и хвастуном, всё же знал, как нужно вести бой в горной, лесной местности. Там, где он жил, в замке Фудосан, почти на границе с Эттю, преобладала именно такая местность. Да и вся провинция Этиго была прекрасной ареной для тренировок в любых условиях.

Когда он почти добрался до горы, где укрылись Каджи и Амакасу с припасами, послал им весточку о своем приближении, надеясь, что они их поддержат. Саданага отправил молодого Нагацу в обход горы, через обширный и заросший овраг, дав ему лучников и копейщиков, а сам, с пятнадцатью конными и дюжиной пеших самураев, обошёл с другой стороны. Как он и рассчитывал, Каджи вышел из своего укрытия и дал сигнал к бою. Первым напал Шибата, успешно пройдя по логу, а когда Косака хотел изменить ход схватки, подоспел и Санпонджи. Он прекрасно выделялся среди своих воинов, весь в белых доспехах, шлеме момонари<sup>9</sup> с полукруглыми кувагата по бокам тульи и вооружённый бисэнто, копьём с массивным, длинным изогнутым наконечником, снабжённым дополнительным, малым клинком на обухе. Этим-то оружием он и снёс первого всадника из седла, когда ворвался во вражеский строй.

Бой закипел с новой силой. Всадники топтались на месте, не в силах найти места для разгона. Пешие самураи Этиго вошли в бой следом за конницей, стаскивая врагов с лошадей и приканчивая на месте. Санпонджи, пробившись почти до середины, совсем разгулялся. Его тяжёлое бисэнто, легко отбивала лёгкие копыя врагов и ответными ударами, выбивало их из сёдел. Одним из своих могучих замахов, Саданага даже смог пробить доспехи одного из самураев Такэды, опустив мощный клинок наконечника ему на грудь. Он, выкрикивая боевой клич, ругаясь на врага, обдавая его своим перегаром и размахивая копьём, будто вышел в чистое поле, где не было ни души. Противники пытались его зацепить, но они не могли подобраться к нему ближе из-за страшных замахов смертоносного бисэнто. Один, правда, решил сделать выпад издалека, на всю длину своего яри и проткнуть Саданаге лицо и даже почти достал, но его конь, получивший удар по крупу, вскинулся и рванулся в гущу, смешавшихся всадников. Санпонджи даже этого не заметил и продолжал горланить и крушить врагов.

Косака понял, что бой складывается не в его пользу, решил отступить, чтобы перестроить свой отряд и напасть вновь. Было бы стыдно упустить врага с припасами, тем более, что сил у него было больше. Как после этого он посмотрит в глаза господину Харунобу?

Воины Такэды начали отходить в единственную, свободную сторону. Саданага, тем временем, нашёл Каджи, который уже был по шею в крови, от чего становился ещё страшнее.

– Собирай свои пожитки Харуцуна и отходи, я задержу их! – прокричал разгорячённый Санпонджи, сидя на своём не менее разгорячённом коне.

– Держи их, как можно дольше! – крикнул в ответ Каджи, сплёвывая попавшую в рот, чужую кровь. – Наши носильщики очень медлительные!

---

<sup>9</sup> Момонари или момонари-кабуто – шлем с персиковидной тульей

– Тогда сам тащи! – без злобы парировал Саданага. Он отсалютовал своим копьём Харуцуне и ударил коня в бока. – Нагаацу! – позвал он молодого Шибату. – Бьём врага, как можно дольше, чтобы наши друзья смогли уйти подальше!

– Я понял Саданага-сан! – Нагаацу тоже был на взводе, такой жестокий бой для него был первым в его жизни. Да и в Санпонджи он больше не был разочарован. Всё-таки этот пьяница не такой уж и пустослов.

Шибата скомандовал своим людям дожимать отступающего врага. Саданага, проследив, как Амакасу спускает с горы провизию, отнятую у противника, тоже ринулся в бой.

Косаке пришлось туго. Его арьергард не мог выйти из боя, хотя большая часть войска уже выстраивалась на открытой местности, оставив заросли позади. Воины Этиго, буквально, наступали ему на пятки, не отставая не на шаг. Этот грубый самурай в белых доспехах, начал его раздражать и Масанобу даже решил поджечь лес, в котором кипел бой. Но он оставил эту затею, поскольку с пожаром он не сможет забрать назад обоз. Стрелять по преследователям тоже не имело смысла, потому, как тогда можно задеть своих, и он решил подождать, держа войско наготове. Но, вскоре шум боя стих и горстка арьергарда Косаки, выбралась из злополучных зарослей. Их никто не преследовал. Воины Этиго не пошли дальше, а решили повернуть. Масанобу, нервно закусил губу под маской. Он отдал приказ о преследовании. Его голос дрожал от злости, разгоревшейся от неудачи. Однако, Косака стал успокаивать себя, помня наставления своих мастеров, что решения, принятые в гневе, приводят к непоправимым последствиям. Поэтому, он не бросил войска очертя голову. Воины шли по лесу быстро, но внимательно, находясь на чеку. В итоге, Масанобу оказался у той самой горы, от которой отступил так недавно, но воинов Этиго и след простыл. Дальше он их не преследовал.

\* \* \*

*Район реки Сай, Синано.*

– Отец, а почему господин Кагэтора против таких действий?

– Потому, что он святой, а у святых всё не как у людей.

– И вы считаете это правильным?

– Не имеет значение, что я считаю. – Фуджисукэ строго посмотрел на сына. – И ты никогда не забивай подобными мыслями свою голову. Он твой господин и все его решения, для тебя, правильные. Иначе, ты приравняешься к предателю и должен будешь умереть. Таков путь воина.

– Но ведь вы, Усами и некоторые другие, пытаетесь его переубедить, разве это не противоречит вашим словам? – настаивал Ёдзиро.

– Мы старшие вассалы и советники, это наш путь. Ты, пока что ещё обычный воин, хоть и мой наследник. Ты исполнитель, слуга. Каждое слово господина для тебя высшее благо или злой рок. – объяснил Фуджисукэ. – Ты должен быть решителен и непоколебим. Скажет твой даймё иди и убей, – ты пойдёшь и убьёшь. Скажет вскрыть себе живот – вскрыешь.

– Не справедливо. – покачал головой сын Накадзэ. – Ведь господин, не наш конечно, может отдавать приказы в сердцах, ради забавы или прихоти. Тогда твоя смерть не будет иметь значение.

– Именно поэтому, мы и служим Кагэторе, а не кому-то ещё. – заключил старик. – Он поступает благоразумно. Иногда мягко, но в его действиях всегда присутствует светлый ум.

– А как бы поступили другие? – Ёдзиро продолжал расспрашивать. – ведь вы служили многим даймё. Что они бы сейчас предприняли на месте Кагэторы-сама?

– Хм. – старик Накадзэ призадумался. Излишняя болтовня стала ему чужда с возрастом, но в разговоре с сыном он немного оживился и решил пренебречь своими принципами. – Фусаёши из Уэсуги, тот, которому начинал служить я, не стал бы этого делать, а бросился бы

в бой с Такэдой, где и погиб бы. Сададзанэ, наш бывший сюго, вообще бы не пошёл на войну, а понадеялся бы на своих вассалов. Ну, а Нагао Тамэкагэ, отец нашего господина, я думаю, он заключил бы с Такэдой мир.

– Почему?

– Потому, что Такэда противник сильный, коварный и опасный, а Тамэкагэ выше себя никого не признавал. Он бы помог ему разбить Мураками и поделил бы с ним землю, а потом, в союзе с Такэдой, напал бы на Хиду или Кодзукэ, а когда представилась бы возможность, нанёс бы своему союзнику удар в тыл, но всё равно проиграл бы.

– Почему?

– Потому, что был идиотом. – недобро хмыкнул Фуджисукэ. – Упрямым, самоуверенным и очень доверчивым.

– Получается, – продолжал расспросы Ёдзиро. – Кагэтора-сама не похож ни на кого из них? Даже на собственного отца?

– От Тамэкагэ ему досталось упрямство, хоть и не в таком большом количестве. А вот рассудительностью, – Накадзэ сплюнул презрительно. – как это не прискорбно звучит, он пошёл в женщину, в свою мать.

Ёдзиро, с толикой стыдливости, опустил голову. Он знал, каким его отец был женоненавистником и считал слабый пол пригодным лишь для продолжения рода и вспахивания полей. Даже кухню он доверял мужчинам. Своего сына, Ёдзиро, старик зачал довольно поздно, всего двадцать четыре года назад, когда самому было тогда пятьдесят два. От матери, Фуджисукэ оторвал сына уже после четырёх лет и всякими способами оберегал его от женского внимания, но Ёдзиро и по сей день тайно виделся с ней или вёл переписку. Старый Накадзэ всегда был строгим отцом и хозяином, суровым и беспощадным воином, но всё же, его никогда не покидало чувство юмора, хотя порой его шутки доводили людей до паники. Однажды Фуджисукэ, шутки ради, для того чтобы увеличить скорость своего гонца, привязал к его ягодицам свежий кусок мяса и отправил за ним голодного пса. Другому своему слуге, он приказал совершить сэппуку за то, что тот плохо протёр его коллекцию керамических горшков. В самый последний момент старик, с громким смехом выдернул у него из рук кинжал.

Ко всему прочему, Накадзэ всегда ставил себя в пример молодым воинам. Его можно было счесть за хвастуна, но он действительно превосходил многих в своём боевом искусстве. Особенно, мало кто в Этиго мог сравниться с ним во владении двумя длинными мечами одновременно. Этой техникой он обучил и Ясуду Нагахидэ, сына своего побратима, и конечно, князя Нагао Кагэтору. Ещё этот неугомонный старик прекрасно владел коротким копьём санкаку и блистательно скакал на коне. Вообще, Ёдзиро гордился своим отцом, хоть и немного побаивался. Вот и сейчас, молодой наследник бешеного старика, присоединился к своему родителю, дабы обобрать хейминов селившихся вдоль Сайгавы, чтобы пополнить запасы армии.

Их отряд, в сотню человек, вышел из лагеря день назад и уже прошёл три деревни. Накадзэ старший отбирал у крестьян недавно собранный урожай и отправлял его в расположение войск Этиго, выделяя с каждым обозом по десять своих воинов. Простолюдины, самособой, упирались и даже вставали на защиту своих запасов, но злобный старик Фуджисукэ был непреклонен. Он никого не убил, следуя приказам князя, но силу применял. Одного старосту Накадзэ отходил прутом-мути, которым подгонял лошадь. Во второй деревне, одного удалого мужичка, решившего поднять на самурая руку, привязал за руки к дереву, а ноги к крупу своего жеребца и натянул так, что бедняга обделался. В третьем селении ему достаточно было приставить наконечник своего копья к горлу одной «красноречивой» старухи и все запасы тут же были отданы.

Следующий день прошёл в дороге по берегу реки Сай. Места были дикие и нелюдимые. Река здесь разливалась шагов на сто и несомненно была глубокой. По обеим сторонам, и с юга, и с севера, возвышались горы с зелёными лесами, которые отражались в зеркальной воде

Сайгавы, делая её чисто изумрудной, поблёскивающей в лучах летнего солнца. Почва на берегах сменялась от каменистой, до песчаной, а местами и вовсе становилась вязкой и болотистой. Повсюду подступала лишь одна зелень, то гибкие липы, склоняющиеся к воде, то лохматые клёны, касающиеся своею листвою шлемов воинов, то густой папоротник, поглощающий человека по самое горло. Звери даже не показывались. Бряцанье доспехов и голоса множества людей явно отпугивали всю дичь. Лишь птицы не редко взымали в небо, когда люди проходили слишком близко.

Когда уже сгустились сумерки, Фуджисукэ решил сделать привал. Выбрав место у широкой скалы и большим обзором, старик отправил дозор во все доступные стороны. Он, по данным разведки, знал, что в этой местности войска Такэды не появлялись, но всё равно был на стороже. Там, где нет регулярного войска, могут быть ополченцы или того хуже, шиноби.

Отдав все распоряжения, Фуджисукэ уединился ото всех на песчаном берегу у самой реки. Присев на песок, он скрестил перед собой ноги, приняв медитативную позу. Ночью от реки веяло свежестью и прохладой, запах травы и ароматы цветов так и пощипывали ноздри. Чистая и девственная природа наполняла тело безграничной энергией. Старик благоговел, расслабился и вбирал в себя силу. Он даже позволил себе снять кирасу, оставив лишь котэ и кольчужный жилет – мандзю-ва. Сняв с головы хатимаки, его волосы, белые и уже изрядно поредевшие, упали на плечи. Лицо, иссечённое шрамами, с каждым годом набирало морщин. Старость Накадзэ не мешала, а наоборот даже забавляла. Например, он до сих пор не мог понять, почему его брненное тело и почтенный возраст не убавили в нём жизненных сил, ведь он до сих пор мог дать некоторым молодым фору. Он лучше сражался, лучше двигался, лучше скакал и стрелял из лука. Возможно, на этом сказывался его здоровый образ жизни, ведь старик практически никогда не пил сакэ, питался правильно и умеренно, медитировал и посещал онсэнэ, которых в Этиго было великое множество. Если так, то на его век отведено ещё много сражений.

Этой ночью всё было прекрасно; и природа, и тишина на привале, и гладкая поверхность Сайгавы и даже непроницаемый, безлунный мрак. Но, кое-что поколебало сознание Фуджисукэ. Что-то недоброе, подозрительное и отдалённое. Накадзэ открыл глаза. Взор его устремился в темноту. Он знал, что шагах в ста-ста двадцати напротив него находился другой берег реки, крутой, с песчаным обрывом. Именно там было что-то или кто-то, кто располагал отнюдь не добрыми намерениями. Животное или человек? Может голодный волк или медведь? Слишком туманное колебание, слишком неясное, чтобы понять.

Фуджисукэ встал и подошёл к одному из трёх костров, у которого сидел его сын и командиры-гасира.

– Этой ночью, будьте начеку. – предостерёг старик.

– Что-то случилось отец? – озадаченно спросил Ёдзиро. – Враги поблизости?

– Не обязательно. Воин всегда должен быть начеку. – строго ответил Накадзэ. – Кто уснёт на посту, тому лично снесу голову. – он посмотрел на сына. Взгляд его был «смертоносным», бьющим сильнее любого меча или копья. – Даже тебе.

Ёдзиро и гасира тревожно переглянулись, но поклонились старику, мол, поняли. Потом легли спать. Фуджисукэ спал чутко. Мозг и тело его отдыхали, но сознание, будто весело над ним и охраняло его покой, всегда оставаясь на страже. Ничего не произошло.

Рано утром, ещё перед рассветом, отряд двинулся дальше. Через неполный час, река начала сужаться, петлять и в конце концов утонула в узком ущелье, зашумев под ногами идущих воинов. Отряд двигался уже по серпантину. Всё было спокойно, с виду, но естество Накадзэ било тревогу. Он, как и дозорные, посланные вперёд, ничего подозрительного не замечал. Но воздух, с каждым шагом так и наполнялся чем-то нехорошим. Фуджисукэ даже остановился и присел на придорожный камень.

– Вам плохо, отец? – тут же осведомился Ёдзиро.

– Молчи сопляк! – выругался старик. – Плохо мне станет тогда, когда я перерожусь в такого же недомерка, как те, что меня окружают!

– Всё шутите. – улыбнулся сын.

– Иди вперёд, командуй! – не стал отвечать Накадзё. Ёдзиро понял и к отцу больше не престаивал.

Вскоре, за скалистым поворотом, показалась деревня. Это было последнее поселение, которое должен был ободрать Фуджисукэ. Дальше была дорога в обратный путь.

Сама деревня оказалась достаточно богатой, хоть и не большой, всего-то с дюжину больших домов. Все жилища были ухожены и отштукатурены. Рисовые поля в чеках, располагались террасами за домами, прямо в горе. Сухие поля находились у домов, тут же были и сады с фруктовыми деревьями. У самого обрыва в ущелье были видны рыболовные снасти и лодки, значит, деревня промышляет и рыбной ловлей. Домашних животных, скорее всего не было, в такой горной и дикой местности они могли бы легко пропасть или сорваться в пропасть, если до этого не будут задраны медведем.

Фуджисукэ вскочил на своего скакуна, чёрного как смоль, дабы придать себе более официальный вид. Этого жеребца, такого же боевого, как и его хозяин, звали «Куру хитокири» или «Чёрный рубака». Раньше его звали по-другому, но однажды, в бою, конь лягнул своим передним копытом прямо по черепу нападающему врагу и ударил не просто, а ребром, оставив на голове бедняги рубленную рану, как от меча. Старик тут же его переименовал. В седло Накадзё взбирался лишь в деревне, а остальную дорогу шёл пешком, давая своему любимцу отдохнуть, на тот случай, если случится бой. Вот и сейчас Фуджисукэ оказался верхом, надел шлем с золотым драконом на тулье, а за спину, крест-накрест, повесил свои мечи. Маску он не надел, его воинственный вид и морщинистое лицо с бешеным взглядом и так внушало ужас, не то, что у крестьян, а даже у врагов.

Старик выехал вперёд отряда и первым ступил в деревню, остановившись на широкой округлой площадке с колодцем в центре. Крестьяне, как и всегда, попрятались.

Говорить начал Ёдзиро. Он встал рядом с конным отцом и прокричал требования. Если вкратце, то Накадзё, именем князя Нагао, обещает никого не трогать и не забирать всё, если все жители выйдут из своих укрытий и отдадут свои запасы добровольно.

После продолжительной паузы хэймины стали выползать, по одному. Молодых женщин с собой, как водиться, не выводили. Вскоре, в пяти шагах от Фуджисукэ, выстроилось человек тридцать, от четырнадцати и старше. Детей тоже не наблюдалось.

За крестьян говорил староста, крепкий мужичок, лет сорока, представившийся как Ава.

– У нас не так много еды, мы не в состоянии прокормить целую армию! – причитал он. Дальше, из уст старосты вылилось тысяча жалоб на непогоду, неурожай и ещё всякой всячины.

Накадзё слушал молча, но с каждым словом менялся в лице, становясь похожим на седого мстительного духа-онрё. Когда Ава закончил, Фуджисукэ тронул своего «Рубаку» и подъехал к старосте. Наклонился в седле, резко схватил мужика двумя пальцами за ноздри и потянул на себя. Хэймин завыл от боли и замахал руками, но старый самурай и не думал отпустить.

– Ты что же, прохвост-тануки, дурачить меня вздумал?! Я, думаешь, не вижу, как выглядит ваша паршивая деревня и какие тут поля?! Тащи сюда всё, что насобирал в этом году или я переверну тут всё вверх дном! А если найду женщин, то отдам их своим воинам, а детей угоню в рабство! Так, что действуй, пока я добрый!

Накадзё резко отпустил ноздри старосты, что тот аж упал на пятую точку, схватившись обеими руками за нос.

Через недолгое время хэймины выволокли всё на улицу и положили перед злобным стариком на страшном коне. Они готовы были пожертвовать едой, но не жилищем и своими семьями. Тут были и тюки с рисом, и пшено, и сушёные фрукты, и бобы и даже сакэ. Накадзё

прикинул, что с одной этой деревни точно можно кормить половину армии, примерно неделю. В разумных пределах, конечно.

– То-то же. – Фуджисукэ недобро ухмыльнулся, глядя на старосту. – А говорил ничего нет. Может руку тебе отрубить в наущение другим?

– Простите меня господин самурай! – Ава упал на колени. – Но, как я смогу работать без руки?! Пощадите!

– Ладно. – отмахнулся Накадзэ. – Живи, пока.

Он хотел сказать что-то ещё, но тревога его усилилась, причём с такой силой будто, кто-то вот-вот должен напасть. Но, всё было спокойно. Крестьяне стояли удручённо, потупив взоры, а их староста валялся в пыли. Фуджисукэ огляделся. Ничего. И, тогда, что-то подсказало ему взглянуть наверх. Каково было его удивление, когда он увидел огромную птицу. Просто сказочно большую, каких не видели ещё люди. Она парила прямого на него и чем ближе она приближалась, тем ясней становились её очертания. До Накадзэ птице оставалось лишь несколько кэн, пока старик не понял, что это вовсе не птица. То был самый настоящий тэнгу с крыльями, лохматой гривой и длинным носом.

Тронуть коня не было времени и Фуджисукэ, выпустив ноги из стремян-лодок, прыгнул через круп, успев шлёпнуть «Рубаку» рукой. Конь заржал, вздыбился и встретил тэнгу серией ударов копыт. Летун не растерялся, а пока приземлялся, прямо под удары лягающегося жеребца, выкинул вперёд себя, неведомо откуда взявшийся шест и чётко попал лошади прямо в лоб. Он не ударил, а скорее оттолкнулся от него, чтобы скакун не нанёс ему неизлечимые увечья. «Чёрный рубака», немного отшатнулся назад, но всё же встал на все четыре ноги и по команде хозяина ринулся в бой. А драться было с кем. После того, как появился тэнгу, все тридцать крестьян, вдруг перевоплотились в боевой отряд с самым разнообразным оружием. На удивление, один из воинов Накадзэ был убит броском самого настоящего сюрикэна, попавшего прямо ему между глаз.

Между тем, Фуджисукэ увидел, как тэнгу приземлился прямо на рисовые тюки и отбросил в сторону объёмную, похожую на плащ, пернатую материю, которую старик принял за крылья. Это явно был главарь и явно шиноби, потому, как лишь они способны на подобные фокусы. Заодно и приоткрылась завеса тайны о том, кто поджог амбары армии Этиго.

Накадзэ дёрнул вниз шнуры-сагэо, удерживающие его мечи за спиной, чтобы ножны подались чуть вперёд и молниеносно вынул оба клинка разом. То были сильно изогнутые, укороченные, немного меньше двух сяку, тачи с квадратными цуба и белой оплёткой на рукоятках. Старик хотел броситься к своему отряду, но путь ему преградила толпа лже-крестьян, кинувшихся в бой. Прокричать команду он тоже не смог, ор и суматоха заглушили бы его крик. Осталось лишь надеяться, что Ёдзиро сумеет устоять против врага, отбить припасы и выйти победителем. Сам же Накадзэ нашёл для себя удобную позицию, – спиной к стене дома, а с левого бока его защищала какая-то постройка, похожая на амбар.

Тэнгу не пошёл в бой, а лишь условными знаками отдавал распоряжение. Тыл отряда Этиго тоже был атакован, – на несколько человек накинули сеть и беспомощных, утыкали пиками. Фуджисукэ подвергся атаке сразу четверых. Для начала он решил проверить, с кем имеет дело, с крестьянином или же с обученным убийцей. Первого, вооружённого серпом, он встретил прямым выпадом в горло. Не получилось. Тот отпрыгнул назад, а атака старика была отбита мотыгой другого. Накадзэ скользнул, словно старый кот, вправо, чтобы не быть зажатым в угол и тут же атаковал самого крайнего. Встречный удар пикой он отвёл левым тачи, а правый опустил на голову противника. Один был готов. Разбрызгивая кровь, лёг к ногам старика. Самурай тут же вернулся обратно на исконную позицию, которую уже занял один из противников. Фуджисукэ нагло вытеснил его. Специально пропустив удар деревянной лопатой по левому плечу, защищённому наплечником, старик толкнул его корпусом и наотмашь рубанул левой наискосок, рассекая тело от ключицы до бедра. Осталось двое. Эти, похоже, были опыт-

ными, как он узнал вначале. Они-то и не дали старику больше манёвренности, зажав его с двух сторон. Фуджисукэ прижался спиной к стене дома, она была не крепкой, видимо из соломы и тонкой обрешётки, покрытой слоем штукатурки. Самурай сделал скользящий шаг вперёд, с правой ноги и рубанул горизонтально, сразу двумя мечами. Двое одновременно отскочили, а Накадзё ринулся назад и со всей силы врезался в стену. В одно мгновение он оказался внутри дома, весь запылённый белой известью. Быстро оценив обстановку и окинув взглядом коллекционера посуду, стоявшую у очага, он поддел кончиком клинка самый большой сосуд и швырнул его в дыру в стене, которую проделал. Тот, что с мотыгой, пытавшийся влезть следом, получил посудиною прямо в переносицу, тут же ретировавшись. Человек с серпом, нырнул в щель и встретил одновременно два блестящих лезвия. Положение было безвыходным, и противник лишился правой руки, а второй клинок разрубил ему шею.

Покончив с последним, Фуджисукэ немедля, начал искать выход. Подбежав к двери, выйти он не успел, поскольку в дверной проём были сунуты несколько пик. В дыру, в это же время залетел какой-то шар, размером с кулак, разбился об пол и в доме запольхало пламя. Потом в дверь, где путь преграждали люди с пиками, влетел ещё один шар и огонь охватил уже два выхода. Путь был закрыт. Накадзё не метался в панике, а сразу посмотрел на потолок. Как он и предполагал, под крышей был ещё один этаж, не жилой, а для хранения всяких вещей и провизии, не требующую особого хранения. К этажу вела раздвижная лестница. Фуджисукэ не теряя времени даром, устремился вверх, взобрался на этаж-кладовую и проломил соломенную крышу, выбравшись наружу. Наверху его уже ждали. Точнее там был один, тот самый тэнгу, спустившийся с неба. Он стоял шагах в пяти от него и не торопился нападать. Накадзё тоже замер на месте, любое движение на этой хрупкой конструкции могло увлечь его обратно вниз. Из горящего дома валил густой дым и закрыл старику весь обзор. Погода была безветренная, поэтому дым шёл прямо через щели в крыше и заволакивал Фуджисукэ. Нужно было, что-то предпринять.

Старик дёрнулся в сторону, показывая, что он хочет спрыгнуть вниз и тут же получил два сюрикэна. Один попал ему в дракона на шлеме, да там и остался, а второй застрял в шнуровке его харамаки. Накадзё понял, что так просто ему не уйти и аккуратно, не упуская тэнгу из виду, шагнул выше. Оказавшись на коньке, самом устойчивом месте на крыше, где и стоял его противник, самурай попытался напасть. Летун ответил встречной атакой своего шеста-бо. Обмен ударами не дал результатов и Фуджисукэ напал вновь, стремительно, словно бросок змеи. Прыгнув вперёд, чуть пригнувшись, старик сначала рубанул левой поперёк, целясь в живот, а второй следом и по ногам. От первого удара, тэнгу ушёл, просто вертанувшись на одной ноге и тут же подпрыгнул, одновременно опустив бо на шлем противника. Под весом удара и под тяжестью своих доспехов, Накадзё проломил крышу и полетел вниз, проломив ещё и доски второго этажа. Упал на спину, с хрустом и едва слышным стоном. Сверху посыпались солома, доски и горящие искры. Внутри всё было в дыму и огне.

Фуджисукэ, кряхтя попытался встать. Жутко болела спина, а в голове звенели колокола. Кое-как он сел на колени, скинул шлем и вынул танто из-за оби, положил его перед собой. Потом он потянул за шнур на спине и доспехи ослабились. С усилием сняв их через голову, Накадзё взял кинжал и вынул его из ножен. Его кольчужный жилет страшно накалился от жары и обжигал тело. Дым ему пока не мешал, старик мог задерживать дыхание на долгое время, достаточное, чтобы совершить сэппуку. Глаза его были закрыты, но всё равно слезились. Печально было лишь то, что умирает он не на поле боя от руки какого-нибудь воина самурая, а от перспективы не сгореть заживо или задохнуться в дыму.

Фуджисукэ уже прислонил клинок танто к своему левому боку, когда услышал какой-то грохот. Повременил. Через несколько мгновений его подхватили под руки и уже волокли прочь из горящего дома. Несли аккуратно, значит свои. Да и колебаний в сознании больше не было – враг отступил.

## Глава 4

### Плохая война

*Месяц Нагацуки(сентябрь). Сайгава, Синано.*

Кагэтора не видел перед собой своих вассалов. Он смотрел на них, слышал их голоса, но взгляд его будто пронзал пустоту, а слух заглушили бегущие друг за другом мысли. Князь полностью ушёл в себя сразу после начала очередного совета. Сколько уже было этих советов? Сколько обе армии, его и врага, стояли недвижимо на одном месте? Что нужно сделать, чтобы прекратить эту затянувшуюся и бесполезную войну?

Кагэтора понимал, что это глупое стояние на Сайгаве никому не принесёт ни славы, ни прибыли и уж тем более победы. Изю дня в день, воины всё больше изматывались, припасы истощались, а деньги тратились. И если у армии Этиго с едой было не так уж и плохо, то в армии Каи начал царить голод. Когда Каджи и Амакасу ограбили обоз, поставщики задрали цену на доставку и потребовали усиленного сопровождения. А когда Накадзэ обобрал деревни, среди крестьян начались бунты и повальное бегство. Такэде Харунобу ничего не оставалось делать, как наладить поставки из своей провинции, а это было очень далеко и тоже затратно.

Князь Нагао тоже отправил Шибату Нагацу в Этиго для доставки припасов, поскольку в следующий раз, еды взять уже неоткуда. Войска Такэды были начеку и перекрыли все лазейки, ведущие на их территорию. Да и их выдающиеся шиноби, день и ночь патрулировали фронт, в чём убедились нокидзару Нагао.

Единственное, что не расстраивало Кагэтору, так это преимущество над Такэдой. В начале войны, Харунобу оказался в лидерах, обеспечив Асахияму оружием и гарнизоном. Только теперь вперёд вышел Кагэтора. Помимо того, что он блокировал замок Такэды, так он ещё и выходил победителем во всех стычках. Так Санпонджи Саданага и молодой Шибата Нагацу, прославили свои имена, вытащив из западни рейдовый отряд Каджи. А ещё и Накадзэ Фуджисукэ смог отличиться. Его воины смогли побить шиноби Такэды и уйти с добычей. Правда, во втором случае не обошлось без потерь. Из семидесяти воинов, вошедших в деревню, где была устроена ловушка, целыми и почти невредимыми вышли только сорок, остальные были или убиты, или тяжело ранены. Сам Накадзэ чуть не погиб. Пострадала вся правая часть его тела. Было сильно обожжено плечо, вывихнуто запястье и сломана нога. Благо его неугомонный конь, смог найти своего хозяина в польхающем доме. Скакун разрушил стену, лягнув её копытами, а воины смогли выволочь, уже приготовившегося умирать старика, наружу. Как утверждали свидетели, напал на них самый настоящий тэнгу, который подчинил крестьян своей воле. Сам же Накадзэ, который и схватился с этим самым тэнгу, говорил, что-то были обычные шиноби. Они искусны, сильны, невероятно виртуозны, но они всего лишь люди, а не какие-то там демоны.

Так, благодаря своим подвигам, Санпонджи вернулся с дальних рубежей и вновь стал соседствовать с Какидзаки, Шибата удостоился награды и даже получил поручение от князя, что для него было великой честью, а Накадзэ был отправлен на лечение обратно в Этиго. Старика заменил его сын, который и смог отбить собранные припасы у шиноби-тэнгу.

Кагэтора продолжал размышлять, а вассалы бесконечно спорили. Зачинщиком склоки был Мураками. Ему, как и всем, уже поперёк горла встала эта война и он предлагал быстро и стремительно напасть на Такэду прямо в лоб, иначе можно простоять до самой смерти. Он прекрасно понимал, что так можно потерять много людей, поскольку противник превосходил числом, но зато неистовые северяне могли бы победить, раз и навсегда, забрав голову князя Каи.

Следом за Мураками начал говорить, как всегда, недовольный Окума Томохидэ. Этот вообще предлагал продолжить рейды в тыл противнику, пожечь всё, что можно пожечь и потравить всё, что можно потравить, даже ценой собственной жизни. В таком случае Такэде Харунобу ничего не останется делать, как отступить или пойти в атаку. В обоих случаях он окажется в проигрыше. Идею Окумы одобрили многие, но не все. Даже Усами назвал её резонной, но предложил спросить у князя, который вряд ли согласится на подобный ход.

– Господин! – позвал его Усами. – Вы слышали, что сказал Томохидэ-сан? Что вы думаете об этом? Господин! Кагэтора-сама!

Князь Нагао будто достал себя из глубины, с самого дна большого озера мыслей. Его слух включился, а взгляд стал осмысленным.

– Что предложил Окума. – повторил Кагэтора. Несмотря на то, что он мысленно не присутствовал при склоках своих вассалов, слова Томохидэ будто всплыли в его сознании, так чётко, словно он сам их слышал. Эта была ещё одна удивительная способность Нагао. – Я не могу пойти на то, что он предложил. Мы и без того причинили вред людям Синано хотя, они нам не враги. Как я могу позволить гореть их домам и полям? Как я могу позволить их рекам и колодцам быть отравленными? Как после этого мне смотреть в глаза Бисямон-тэну, защитнику Будды? Я не палач! Я воин, а не убийца. Воин берёт меч и сражается, убийца же ищет лазейки и разрабатывает коварные ходы, чтобы нанести удар в спину. Я не позволю ни себе, никому-либо ещё, поступать бесчестно.

– Но господин Кагэтора! – голос Окумы звучал грубо и надрывисто. Слова князя были ему не по душе. – Это единственный выход! Разве вам не надоела эта бесплодная война? Мы маемся от безделья, пьём, объедаемся, охотимся, строим... и всё для чего? Кто выйдет победителем? Вы сами хотели покончить с Такэдой, так давайте сделаем это! Пусть он умирает с голоду, как раненый тигр, а мы добьём его, когда он не сможет встать! Конечно, нам не обойтись без потерь и возможно мы никогда больше не увидим тех, кого пошлём в тыл врагу, но они умрут не бесцельно! Умирая, они будут знать, что их подвиг принёс армии победу. Мы уничтожим Такэду, освободим Синано и вторгнемся в Каи. У нас будет много земли, которую мы сможем поделить между собой. Это даст нам огромную силу и власть. Клан Нагао прогремит на всех островах Хиномото!

– Ты вновь за своё Окума! – глаза Кагэторы блеснули яркой вспышкой. Он не давил вассала ментально, он просто разозлился. – Твои амбиции ставят тебя в невыгодное положение! Разве я желал себе земли, кроме Этиго? Мой дом, остаётся моим и чужого мне не надо! Ты же, как захватчик, грабитель и мародёр! Помогая соседу выгнать вора, ты сам хочешь забрать его дом! Разве это достойно воина и честного человека? Каким путём ты идёшь?

– Это путь победы! Неважно какой! Плевать какими средствами ты пользуешься, важен лишь результат! – Томохидэ смотрел прямо на даймё, не отводя взгляд. Это был вызов. Бесцеремонный и явный.

– Закрой свой рот! – поднялся с места Оникоджима Ятаро. – Ещё слово и я голыми руками раздавлю тебе голову! – гиганта затрясло от гнева. Практически все привстали со своих мест, готовясь убраться прочь из-под руки этого дикого воина.

Окума тоже насторожился. Хоть он и был прекрасным воином, в стычке с Ятаро безоговорочно проигрывал.

– Утомонись Ятаро! – прокричал князь. – Пусть он говорит! Я сам решу, что мне с ним делать.

Голос господина действовал на гиганта как ударная волна, выбивающая всю дурь из головы. Он послушался и одарив Томохидэ презрительным взглядом, покрасневших от ярости глаз, сел на своё место.

– Говори Окума! – снова произнёс Кагэтора. – Раз ты считаешь мои методы бесполезными, значит, тебе впору занять моё место. Возьми меч и попробуй убить меня и тогда ты сможешь осуществить свой план. Ты сможешь победить Такэду раз я это сделать не в силах.

– Господин! – опешил Усами. – Что вы такое говорите? Давайте накажем Окуму за его вольнодумство, но никаких поединков!

– Нет. – отрезал князь. – Я воин и буду решать так, как надлежит воину. Пусть будет поединок чести. Дайте ему меч!

– Давайте лучше я отрублю ему голову! – предложил Амакасу. – Перечить своему даймё вопиющие преступление! Никакого ему меча!

– Меч, я сказал! Быстро! Я приказываю! – голос Кагэторы пронёсся по двум рядам вассалов словно сильный порыв ветра, что даже знамёна маку затрепыхались.

Испуганные самураи занервничали и заёрзали на местах. Один из слуг вбежал внутрь шатра и бросил перед Окумой тачи. Кагэтора встал со своего места, взял с подставки свой клинок и приблизился к Томохидэ, загородив его своей тенью. Окума смотрел на лежащий перед ним меч. Он дрожал, то ли от страха, то ли от желания схватить тачи и нанести стремительный удар по князю.

– Бери. – подстёгивал его Кагэтора. – Все они, – он обвёл вассалов ещё не обнажённым мечом. – поклянутся не причинять тебе вред, если ты сможешь убить меня. Ты встанешь во главе войска.

– Мы не дадим такой клятвы! – прогорланил Какидзаки. – Никто не даст!

– Дадите! Или я сам вспорю себе живот, здесь и сейчас! – жёстко настаивал князь Нагао. – Бери меч Окума!

Повисла напряжённая тишина. Все словно проглотили острый кол, сидели, раскрыв рты и без единого звука. Кагэтора не отрывал взгляда от, склонившегося перед ним, Окумы. Томохидэ смотрел на меч.

– Я никогда не посмею причинить вам вред. – вдруг произнёс он и низко поклонился, уткнувшись лбом в пол. – Простите меня за мои дерзкие слова и накажите, как вы считаете нужным. Если прикажете, я совершу сэппуку.

Кагэтора по-прежнему не отрывал глаз от его затылка. Что-то, внутри его говорило, – «Руби!». Но, князь глушил эти гневные порывы. Он не был убийцей. Его девизы – честь, достоинство, благородство и справедливость. Даже война и смерть должны случаться из справедливых побуждений, а ни в коем случае, из-за злобы, гнева, корысти и жадности. Не будет мира не в его землях, не в его душе, если он переступит через себя и свои убеждения.

– Все вы знаете меня и многие из вас были со мной с самого начала. – произнёс Кагэтора. Он поднял голову, воззрившись на небо с плывущими на нём фигуристыми облаками. – Усами, Наоэ, Амакасу, мы вместе начали строить новый мир. Какидзаки, Оникоджима – с вами я покарал своего брата. Сайто, Каджи, Китадзэ – вы были со мной на Садо. Иробэ, Ясуда – разве вы забыли, как удирали от нас Ходзэ? Окума, – князь опустил голову, посмотрев на Томохидэ, который всё ещё не отрывался от пола. – ты тоже был там. Ты пришёл ко мне с самого начала и сражался со мной во всех сражениях. Разве мы проиграли хоть раз? Неужели я не давал награды по их заслугам? Может быть, я заставлял вас бедствовать или поручал невыполнимые задачи? Пройдя со мной такой путь, вы хотите отвернуться от меня из-за того, что я не могу одолеть своего самого коварного врага? Вы предлагаете мне стать волком, чтобы победить волка, выждать время для предательского удара, питаться падалью? Но ведь это изменит всё, всё к чему я стремился вместе с вами. Разве это стоит того, только лишь для одной победы? – Кагэтора сел на своё место, во главе шатра. – Вот, что я вам скажу. Такэда не сможет вечно выжидать, он далеко от своих земель, а мы к своим близко. Значит, его запасы скоро кончатся, и он сделает ход, а мы сделаем свой. А до этого, не будет больше советов по этому поводу. Я больше и слушать не хочу о подлых шагах, на которые вы меня подбиваете. Это ясно?

– Хай, Кагэтора-сама!!! – ответили хором.

– А ты Окума, если у тебя больше нет претензий, можешь идти. Вы все можете расходиться!

\* \* \*

Первые шеренги армии Каи насторожились, услышав громкое хлюпанье воды. После рассвета туман на реке Сай начал рассеиваться, и воины из-за баррикад смогли разглядеть, что творилось на расстоянии ста шагов. А там, к всеобщему удивлению, ехали два воина. Всего два. Один огромный, словно скала, на таком же огромном жеребце, в красных доспехах и сасимоно с головой они. Левой рукой гигант держал поводья, а правой, перекинув через плечо, канабо, длинной почти в свой рост. Второй был поменьше, с копьём оми наперевес и в харамаки с желто-коричневой шнуровкой. Лицо его было заросшее густой щетиной, а за спиной развивался синий сасимоно с золотым кузнечиком.

Преодолев реку, оба воина разом остановились.

– Я Оникоджима Ятаро Садаоки! – прокричал великан, огласив Каванакадзиму своим медвежьим рёвом. – Я вызываю на честный поединок сильнейшего из вас! Если среди вас есть Обу Гэнджиро Масакагэ, пусть выйдет, и мы завершим с ним прерванный бой!

Воины Каи переглянулись и занервничали.

– Я Какидзаки Ядзиро Кагэиэ! – грубым, хриплым рыком прокричал воин с копьём и голос его был не менее громким. – Я вызываю сильнейшего из вас! Если среди вас псов, есть достойные и умелые люди, пусть выходят и померятся со мной силой!

Воины Такэды были обескуражены. Они знали обоих. И, всё, что они знали, их не радовало. Повисла длительная тишина. Никто не выходил и даже голоса не подал. Обу Масакагэ не появился. Не вышел на бой, и кто-либо ещё.

– Я говорил, что с нами биться никто не будет. – пробасил Ятаро, как можно тише, чтобы его не услышали со ста шагов. – Надо было отправить кого-нибудь помельче, например, Санпанджи.

– И смотреть, как он забирает всю славу себе? – фыркнул Кагэиэ. – Ну, уж нет! Он и так уже выделился, а мы с тобой сидим, сложа руки. Спорю на три горлянки сакэ, что кто-нибудь да выйдет!

– Я не пью. – Оникоджима скривился.

– Зря. Тогда на коня! Если никто не появится, я подарю тебе ещё одного коня, поменьше твоего, но тебя выдержит. – вошёл в азарт Какидзаки.

– Идёт! – а я тебе, что? – Ятаро понял, что коней у него нет, да и предложить богатому и всё имеющему Кагэиэ, ему нечего.

– А ты мне сакэ! – развеселился Какидзаки. – После боя, пять горлянок! Нет, лучше семь! Семь – счастливое число, давай семь!

– Хорошо. – кивнул Оникоджима.

– Эй вы, небось все хакама обмочили при виде нас!? – вновь начал драть глотку Кагэиэ. – Давайте выкатывайте свои толстые животы на поле боя, хватит жиреть! Ах, да, я же забыл, что вам и есть то нечего! Кто вытащит свою паршивую шкуру на поле и победит меня, тот съест моего коня! Что молчите!? Черви! Недомерки! Копьё вам в зад!

Толи воинам Каи надоели ругательства Какидзаки, то ли они и вправду решили выйти на бой, но получилось всё равно не так, как хотели два самурая из Этиго. Из-за баррикад пошёл в атаку целый отряд, не меньше, чем сотня человек и бросились на двух всадников.

– Я же говорил! – радости Кагэиэ не было предела. – Смотри, сколько их полезло?! Да за такую добычу ты мне не семь, а двадцать семь горлянок поставишь!

Ятаро расплылся в страшнейшей улыбки, крутанул канабо в одной руке и направил коня прямо на несущуюся, на него толпу ашигару, громко заревев:

– В бой! Коли, руби, режь!

Какидзаки не стал кидаться в толпу, подобно своему соратнику, а придержал коня и обошёл, гиганта с другой стороны. Зная, что Ятаро рассеет строй, он решил напасть с фланга. Правда он рисковал получить стрелу, но считал, что с такого расстояния и на такой скорости она вряд ли причинит ему много вреда, кроме, как застрянет в шнуровке.

Воины Такэды, оставшиеся за баррикадами не упустили такой возможности. Если Оникоджима тут же смешался с их соратниками, то Какидзаки долго оставался одинокой и лёгкой мишенью. Лучники незамедлительно осыпали его дождём стрел, а кто-то даже успел пальнуть из тэппо. Как Кагэиэ и рассчитывал, не стрела не пуля его не ранила. Пущенные снаряды лишь скользили, отлетали и рикошетили, по его доспехам. Зато конь Какидзаки пострадал. Он успел доскакать до вражеского строя, но врубиться в него так и не смог. Скакун перевернулся головой вперёд, закинув Кагэиэ в самую гущу врагов.

Ятаро видел «успешную» сшибку своего товарища и начал пробиваться к нему. Сотня врагов, хоть и простых пехотинцев, была не шутка и канабо гиганта работала не переставая. Все разом они напасть не могли, слишком кучны, но длинные копыя тыкали со всех сторон. Оникоджима ощущал на себе удары, и один даже пробил ему кольчужный наруч, но то были пустяки. Великан начал ощущать приступ ярости и ускорил тэмп. Если он не доберётся до Кагэиэ до того, как кровавая пелена застелет его глаза, bravому всаднику придёт конец. Ятаро забудется и начнёт крушить всех подряд.

Какидзаки, тем временем, уже пытались прикончить. Один ашигару навалился на него с обнажённым вакидзаси и попробовал вонзить клинок ему в горло. Видимо конь, влетевший во вражеские ряды, сломал его копьё и у пехотинца остался лишь короткий меч. Кагэиэ не растерялся, схватил врага за ворот рубахи-ситаги, притянул к себе и хватанул зубами за нос. Откусил и оттолкнул ашигару от себя, плюнув в обезображенное лицо откушенную конечность. Быстро поднялся и тут же прошил насквозь нападавшего своим оми-яри. Благо доспехи пехоты были из кожи, и хорошая сталь резала их как плотную ткань. Следом посыпались ещё удары и Кагэиэ отбивался, как мог. Краем глаза он заметил, как его товарищ крушит противника, превращая его в кровавую кашу. Так же, он понимал, что долго это продолжаться не может и их конец близок, если не произойдёт чудо. Ашигару Такэды боялись их обоих и наступали осторожно, но их было очень много.

Вскоре, доспехи Какидзаки начали превращаться в лохмотья, а раны в ноге и руке струились по телу тёплой жидкостью. На Ятаро враги липли, будто москиты, но тот держался лучше. Боевой раж придавал сил, но руки и ноги уже начали опускаться от бесконечного боя.

Зазвучал хорагай. Залп стрел по воинам Такэды. А дальше пошла пехота. Пехота Этиго. Вёл их самурай в доспехах, полностью прошнурованных жёлтым. В обеих руках он держал по мечу, длинному и короткому. То был Ясуда Нагахидэ и появился он, как нельзя кстати. У него было не больше ста пятидесяти человек, но этого достаточно, чтобы спасти двух бедокуров и вывести их из боя. Нагахидэ ворвался в кипящий бой, словно ураган. Воины Такэды сразу ощутили его натиск и начали отступать. Кагэиэ из последних сил отбивался от врагов, у него даже не осталось больше копыя, да и меч был сплошь в зазубринах. Зато Ятаро продолжал биться. Весь в крови, чужой и своей, гигант продолжал крушить противника своей палицей, но и у него уже кончались силы. Когда Ясуда пронёсся мимо него, рядом с Оникоджимой больше не осталось врагов и он, будто придя в себя, тяжело вздохнул, упав на одно колено. Они были спасены.

Зато Нагахидэ теперь отдувался за всех. Прогнав одних, он напоролся на других и теперь бой завязался на равных. Отряд Ясуды не разбредался, а бился плотным строем, чтобы не нарушить порядок. Этот новый отряд, под предводительством, высокого и широкоплечего воина,

слишком крупного для людей из Каи, сшибся со своим противником, словно молот и наковальня. Резня началась с новой силой. Это утро вообще стало для обеих армий самым насыщенным после ста дней прозябания в своих лагерях.

Высокий воин из Каи, одетый в красные доспехи и шлем с бычьими рогами, тут же распознал, свою жертву и двинулся к ней. Надел, преградившего ему путь, ашигару на своё копье, он откинул труп в сторону и вынув меч из ножен, напал на воина в жёлтых доспехах.

Ясуда заметил приближение самурая Каи. Направленный на него удар, он отразил своим коротким мечом и мгновенно ударил длинным. Самурай с рогами быстро отпрыгнул и вновь кинулся в атаку. Оба наносили друг другу молниеносные удары, но не один не достиг конечной цели, клинки лишь скользили по доспехам. Одну из атак Нагахидэ сумел отвести своим вакидзаси вниз к земле, а тачи направил в рогатый шлем противника. У обоих его мечей было заострённое утолщение на клинках, почти рядом с цубой и очень походило на клиновидный шип. Этим шипом Ясуда и попал прямо в шлем, между левым рогом и козырьком. Шлем треснул, и самурай Такэды отшатнулся назад. Крови на его лице не было, зато глаза налились красным. Его, покрытое небольшой щетиной, лицо тоже побагровело, и он вновь начал наступать, только ещё с большей яростью.

Самураи часто интересовались, с кем им приходится воевать, получая информацию о своём противнике от шпионов, а также из сплетен и слухов. Нагахидэ слыл человеком скрупулёзным ко всему и воинов Такэды постарался изучить основательно; от личных имён и гербов, до стиля одежды и доспехов, в том числе и характера поведения. Сражаясь с этим самураем он уже знал с кем имеет дело и имени у противника не спрашивал, также не называл своего, считая это плохой привычкой ушедших лет. Акияма Нобутомо или «Бешеный бык из Каи», а это был именно он, носил своё прозвище не зря, поскольку шёл в атаку так, будто хотел надеть на свои массивные рога своего противника. К тому же он слыл лучшим мечником Такэды и явно демонстрировал свои навыки в поединке с Ясудой.

Нагахидэ лучшим не являлся, но и худших не ходил. Противостоял достойно, хотя силой заметно уступал. Акияма был одного с ним роста, но гораздо крупнее худого и жилистого Ясуды. Так что жёлтому самураю из Этиго пришлось брать врага своей скоростью и виртуозным владением сразу двумя мечами.

Бой продолжал кипеть, а двое командиров так и не решили исход схватки, порубив лишь доспехи друг на друге. Неизвестно, чья бы взяла, продолжи они бой, но сигнал к отступлению прозвучал со стороны Такэды. Акияма отсалютовал Ясуде мечом и принялся отходить. Нагахидэ за ним не последовал, поскольку сделай он ещё с десяток шагов и его, вместе с отрядом, накормят сталью и свинцом.

В лагерь он вернулся сразу после боя. Гигант Ятаро лежал без памяти, пока его осматривал лекарь. В этом бою его изрядно потрепали и прибавили шрамов на его теле. Кагэиэ тоже был уставший и измотанный, но отделался лёгкими царапинами и ушибами. Жаловался, что не в состоянии поднять копье, однако чарку с сакэ поднимал с лёгкостью.

– О чём вы думали Кагэиэ-сан? – с упрёком произнёс Нагахидэ, войдя в ставку главного командования.

Кроме их, в маку присутствовали лишь стражники, но никто не сомневался, что скоро придут все бусё во главе с очень недовольным князем.

– Думали? – переспросил Какидзаки. Он вальяжно развалился на земле, всё ещё в доспехах и облокотившись рукой на складной стул, потягивал сакэ. – Мы хотели драться! Сколько ещё мы могли просиживать свои задницы в лагере!? Вышло немного не так, как хотелось, зато сколько впечатлений! Моя кровь до сих пор бурлит!

– Я считаю, – деловито заявил Нагахидэ. – что не подоспей я вовремя, ваша кровь сейчас бурлила бы на земле, на том берегу. А головы висели бы на копьях врагов.

– Но ведь подросел же! – отмахнулся Кагэиэ. – Зачем накручивать лишние предположения.

– Вы рисковали. – Ясуда не понимал такой ненужной жажды к битвам, какую испытывал Какидзаки и поэтому решил уйти от разговора с ним, не распинаясь на лишние слова.

– Таков путь воина! – рыкнул Кагэиэ и опрокинул ещё одну чарку в свою глотку.

– Кажется, – Нагахидэ подошёл было к выходу, чтобы покинуть маку, но обернулся и безучастно бросил через плечо. – я вижу господина со свитой. Как вы думаете, Кагэиэ-сан, воспримет ли он ваши догмы о пути воина? – сказав это, он не дождался ответа, пошёл на встречу своему даймё.

\* \* \*

*Осень 24 года Тэнмон. Сайгава, Синано.*

Прошло почти двести дней, как Кагэтора пришёл в Синано и встал лагерем у Сайгавы. За это время так и не произошло не одного крупного столкновения, и воины по-прежнему находились в напряжении. Это вызывало ропот, дезертирство, порой грабёж и насилие. Кажется, даже даймё обеих армий уже устали от этого безмолвного противостояния, не один из них не хотел сделать свой ход. Ни Нагао, ни Такэда, не желали ни атаковать, ни отступить. Но всему когда-нибудь приходит конец. Точку в войне смогли поставить лишь проблемы извне и лишь тогда оба даймё зашевелились.

Осень пришла мгновенно, а вместе с ней холодные ветры и ночные заморозки. Это была уже третья холодная осень, после которой следовала промозглая и суровая зима. За каких-то пару недель листья на деревьях пожелтели и облетели, безжизненно устлая землю.

Со сменой погоды пришли и дурные вести. В конце месяца нагацуки из Этиго прибыл гонец и сообщил прискорбные новости. В провинции Этидзэн скончался Асакура Сотэки. Это был удар ниже пояса не только по Кагэторе, но и по всей его провинции. Вассалы переполошились и больше всего Иробэ Кацунага, которому покойник был, если не другом, то очень хорошим знакомым.

Дело в том, что клан Асакура из Этидзэна был давним союзником Нагао, а Сотэки, хоть и не являлся главой, но весьма способствовал возвышению клана и укреплению отношений с соседями. Этиго от Этидзэна отделяли лишь две провинции, Эттю и Кага. В обеих из них жили враги, как Нагао, так и Асакура. В первой находились Дзинбо, а во второй сектанты икко-икки. И если Асакура постоянно воевали с фанатиками, то Нагао лишь держали Дзинбо в напряжении. Теперь, со смертью Сотэки, икко-икки могут обрести былую мощь и непременно заявят о себе во всех провинциях Хоккурикудо. А это значит, что на главном северном тракте не только прекратится вся торговля, но и начнутся военные действия. К тому же, Асакура и Нагао, вместе защищали морские торговые пути от пиратов и беспокойных соседей. Теперь, полноправным главой Этидзэна, стал молодой Ёшикагэ. Он был всего на три года младше Кагэторы, но слухи о нём ходили не лестные. Говорили, будто он слишком малодушен, мягок и вообще больше занимается развитием искусства, чем войной и политикой. Поэтому, князь Нагао очень сомневался, что их отношения с Асакура останутся прежними, а сверху к данному «подарку судьбы» ещё и прилагается пара, пускающих слюни, врагов – Кага и Эттю.

Данная весть тут же была вынесена на совет, и почти все согласились, что нужно срочно возвращаться в Этиго. В этот же день домой уехали трое бусё Нагао. Наоэ Кагэцуна, чтобы разведать всю политическую ситуацию, Иробэ Кацунага, в качестве посла, который выразит клану соболезнование от своего князя, всё-таки кроме Сотэки, он знал ещё и Ёшикагэ и даже однажды подарил ему лошадь. Третьим был Ясуда Нагахидэ, он отправился в помощь Уэда Масакагэ, который присматривал за Касугаямой в отсутствие даймё. Остальным же предстояло долго размышлять над тем, как побыстрее закончить войну с Такэдой. Снова начались склоки.

Кагэтора каждую ночь просил Бисямон-тэна о благополучном завершении кампании и скором возвращении домой. Он перестал спать и толком ничего не ел, ежедневно проводя время на шумных советах, разъездах по лагерю, для более точного изучения местности и молитвах. И, наконец, его мольбы были услышаны и благополучие пришло. Причём своими собственными ногами.

Шёл месяц каннадзуки. Кагэтора и Садамицу сидели у очага в личном доме-штабе, князя и разрабатывали стратегию. Ни один из планов не был успешным, и самураи постоянно выкидывали клочки исписанной бумаги в огонь. Усами уже и не знал, что предложить своему господину, когда слуга известил о прибытие некоего посла.

– Неужели Такэда решил сделать первый ход? – предположил Садамицу.

Кагэтора не стал гадать и приказал звать посыльного. Вопреки ожиданию, явился совсем не тот, кого ждали. То был монах лет пятидесяти. Весьма рослый, крепко сложенный и широкоплечий. Полностью бритый, от подбородка до макушки и весьма серьёзный. Одет в тёмный халат-хобуку и в бело-жёлтую кэса<sup>10</sup>, обёрнутую вокруг талии, перекинутую через левое плечо и скреплённую на груди металлическим кольцом. Обувь на нём не местная, а ханьская, – шитые туфли с загнутыми носками. В правой руке монах перебирал кости длинных чётков-нэндзю.

Как и полагается, монах снял свои туфли у входа, тяжело шагнув на энгаву, вошёл в дом, сел напротив князя и учтиво поклонился. Кагэтора сразу распознал в нём адепта школы Риндзай.

– Моё имя Тайгэн Сэссай. – представился священник. Голос его звучал тихо и скромно, но в нём слышалась жёсткость и строгость. – Я служу даймё провинции Суруга, Имагаве Ёшимото.

– Что привело вас сюда почтенный? – вежливо спросил князь Нагао. – И какое дело ко мне у Имагава?

– Всё очень просто господин Кагэтора. – монах слегка улыбнулся. – Я посланник мира и пришёл я сюда не только по просьбе моего даймё, но и по воле Небес.

– Вот, как? – искренне удивился Кагэтора. – Что же поведало вам Небо?

– Небо больше не говорит со мной. – Сэссай на удивление изобразил искреннее переживание, а может и действительно был расстроен. – Оно плачет слезами горечи.

– Что же произошло? Кто обидел Небо? – спросил князь.

Усами наблюдал со стороны молча. Его всегда забавляло, как священнослужители маскируют истинный смысл под своими замысловатыми фразами. Причём Кагэтора умело ему подыгрывал и видимо понял, куда клонит монах.

– К счастью, никто не в состоянии обидеть Небо. – продолжал Сэссай. – Зато его возлюбленная земля страдает. Она умывается кровью и дрожит от холода и страха.

– Кто же повинен в этом? – продолжал спрашивать Нагао.

– Человек. – монах на время опустил взгляд. – Человек забыл, что он, небо и земля должны быть едины. Это три составляющие нашего мира, и они не должны разделяться.

– Как же их соединить? – Кагэтора осознал, что подошёл к главному вопросу.

– Ответ всплыл сам собой. – улыбнулся Сэссай.

– «Соединить». – повторил своё же слово князь. – Не просто соединить цепь, когда звенья не подходят друг другу.

– Господин Кагэтора. – монах с горечью вздохнул. – Что же разного в этих звеньях?

---

<sup>10</sup> Кэса – атрибут одежды буддистских монахов. Представлял собой широкую ткань, которая носилась как накидка-плащ, либо как шарф, оборачиваемый вокруг туловища. В другом варианте представляла собой большую, нагрудную сумку для сбора подаяния.

– Они выкованы разными кузнецами и закалены разным огнём. Одно звено проржавело и его не стоит подгонять к отшлифованным добела, иначе они тоже испортятся. – Кагэтора был серьёзен и не отрываясь смотрел на монаха.

– Кажется, я понимаю, что вы имеете в виду. – произнёс Тайгэн Сэссай. – Кое в чём вы действительно правы. Но, ржавое звено можно подправить и подогнать под остальные, цепь должна быть соединена.

– Можно. – согласился Нагао. – Если закалка будет та же. Прошу вас, почтенный Сэссай, расскажите, как вы это сделаете? Насколько приемлемы будут условия в вашей кузнице? Что желаете? Чай или сакэ?

– Я не осмелился бы выбирать. – скромно ответил монах.

– Прошу вас, располагайтесь поудобней. – настоял Кагэтора. – У вас был длинный путь и пришли вы явно не для того, чтобы перекинуться парой фраз.

– Тогда, я бы сказал, что чай неуместен для подобных разговоров. – согласился Тайгэн.

Когда принесли сакэ, все трое выпили по паре чарок и продолжили разговор.

– Я слышал, господин Сэссай, что вы являетесь настоятелем храма Ринсай. – вклинился в разговор Усами, медленно поглаживая бороду. – А ещё вы исполняете должность гунши при князе Ёшимото и командуете его армией как дайсё.

– Как много вам известно про меня господин Садамицу. – Тайгэн поклонился. – Но ведь вы тоже гунши и на этом ваша должность не кончается.

– Вы преувеличиваете. – Усами еле заметно ухмыльнулся, краешком рта. – Я уже стар для выполнения такой объёмной работы.

– Не скромничайте Садамицу-сан. – ответил такой же ухмылкой монах. – Вы всего лишь на семь лет старше меня, а мне всего-то шестьдесят и старым я себя не ощущаю. Хотя, суставы стали сильно болеть.

У Садамицу блеснули глаза. Достойный соперник этот Тайгэн Сэссай. Настолько, что Садамицу впервые почувствовал удар по своему самолюбию. Он поклонился монаху, но продолжать дальше не стал. В конце концов, он явился сюда не для словесного поединка на тему шпионажа.

Кагэтора тоже оценил Тайгэна по достоинству. Он даже ему понравился. Не только как просвещённый человек и эрудит, но и внешне. Даже энергия, которую он излучал, была светлой. Не без тёмных пятен, конечно, но точно не злая.

– Я так понимаю, вы уже были в лагере Такэды? – перешёл к делам князь Нагао.

– Да. Харунобу-сама согласен на примирение, если вы согласитесь на его условие. Вы можете выдвинуть свои и я, как посредник, предложу вам оптимальный вариант. – заявил Сэссай. – От себя же скажу, что вам обоим следует прекратить эту вражду и примириться. Вы прекрасный воин и стратег, Харунобу так же отменный тактик и хороший политик. Ваши силы равны и своим упрямством вы погубите лишь жизни невинных людей. Разве вы не видите, что твориться вокруг вашей бездарной... плохой войны. Всюду голод, смерть, кровь и болезни. Я говорю вам это как духовник и как стратег. Вы не только губите людей и землю, вы также погубите и себя. Заклинаю вас именем Неба!

Кагэтора молчал. Он с грустью смотрел на Сэссая, его слова тронули сердце князя. Он увидел в них своё отражение, будто в зеркале. Он понимал, что, борясь с чудовищем, сам становится таким же. Его жажда, покарать клятвопреступника, затмила его разум, сделала упрямым, эгоистичным и недалёковидным. Как бы то ни было, но с этим надо кончать.

– Что предлагает Такэда? – после недолгого раздумья, спросил Кагэтора.

– Харунобу-сан предлагает остаться вам обоим при своём. – произнёс монах. – Вы остаётесь на севере от Сайгавы, он на юге. Ещё он может вернуть земли некоторым кокудзин из вассалов и союзников Мураками, те, что примыкают к реке, но не более. Сам Мураками Ёшикиё назад свои земли не получит, – это вопрос даже не будет обсуждаться.

Кагэтора и Садамицу мимолётом переглянулись. Усами быстро нашёлся и хотел, что-то сказать, но князь его опередил.

– Моё встречное предложение, с одним лишь дополнением, ко всему, что обозначил Такэда. Пусть его войска оставят Асахияму и разрушат замок.

– Это всё?

– Да, это всё.

– Я передам господину Харунобу ваши требования. – медленно закивал Сэссай.

– Хорошо. – Кагэтора жестом приказал Усами налить ещё сакэ. – Пусть наша вражда с Такэдой останется лишь между нами, а остальные пусть расходятся по домам.

– Прекрасно сказано! – одобрил Тайгэн и они выпили. В последний раз.

Пятнадцатого дня месяца ханнадзуки был подписан договор о перемирии между Нагао Кагэторой и Такэдой Харунобу. В процессе даймё не участвовали, потому, как князь Этиго хотел видеть князя Каи лишь у себя на столике для голов, причём голова должна была быть отдельна от тела. Мир подписывали старшие советники-гунши, Усами Садамицу и Ямамото Харуюки в присутствии третьего лица, Тайгэнна Сэссая. Как и было условлено, войска Такэды оставили Асахияму и разрушили замок вплоть до фундамента. Так же, как обещал Харунобу, некоторым самураям Синано были возвращены земли. Кагэтора тоже снял свой лагерь с северного берега Сайгавы и ушёл домой. Двести дней бездействия, наконец-то подошли к концу.

## Глава 5

### Суровая зима

*Зима, 1-й год Кодзи (1555-56). Провинция Этиго.*

Воины Этиго вернулись домой. Встречали их с великой радостью, несмотря на то, что возвращались они практически без трофеев. Дети встречали своих отцов, весело смеясь, жёны мужей, проливая слёзы радости, а старики восхваляли kami и бодхисатв за то, что их дети вернулись целыми и невредимыми. Не все. Но в этот раз смертей было намного меньше. Кагэтора, как и следовало правителю, компенсировал каждую потерю. Это не возвращало погибших, к жизни, но давало семьям ощутимую поддержку.

В отличие от простых воинов, копейщиков, лучников, знаменосцев, носильщиков и прочих, самураи вернулись все, особенно бусё. Несмотря на тяжёлую войну и не очень хороший результат, возвращение решили отметить в Касугаяме. Князь Нагао ещё раз похвалил отличившихся и назначил денежные вознаграждения. Практически все стали довольны и пир прошёл с улыбками на устах. Ко всему прочему, вернувшись, самураи узнали, что Сын Неба, Император Го-Нара, сменил девиз правления Тэнмон на Кодзи. Это стало ещё одним поводом для пирушки.

Когда всё закончилось, Кагэтора распустил всех вассалов по домам, оставшись в Касугаяме лишь с несколькими людьми из своей личной охраны, которые тоже могли вести некоторые хозяйственные дела. Встретить новый год князь Нагао всем разрешил в своих владениях. Больше всего упирались Усами и Наоэ, они ни в какую ни хотели покидать своего господина надолго, но тот настоял. Он даже пригрозил суровым наказанием любому, кто появится до завершения всех праздников. На том и порешили.

За месяц до нового года, Кагэтора получил печальное известие – умер Тайгэн Сэссай. Несчастье случилось сразу, после того как он вернулся в Суругу, заключив перемирие между Нагао и Такэдой. Кагэтора устроил по нему поминальную службу в Ринсэндзи и отправил письмо с соболезнованиями, к которому приложил вака:

«С грустью созерцаю

Снег покрыл всю землю.

Тьма пустоты.»

Он был удивлён, когда перед самыми праздниками, получил скорый ответ:

«Зиму сменит весна

И распустится мальва в лесах.

Цветения миг.»

Помимо ответного вака, письмо содержало скромное поздравления с победой над Такэдой и с наступающим новым годом. Подписано было, неким Мацудайра Мотоясу. Кагэтора разобрал в подчерке молодецкую, ещё не окрепшую руку, целеустремлённый характер и скромность, сравнимую с самим Тайгэном. Он не сомневался, что это был юный ученик Сэссая, который не пренебрёг соболезнованиями князя Этиго, тогда как даймё Суруги, Имагава Ёшимото его проигнорировал. Что ж, Кагэтора решил запомнить имя юноши, который хочет заменить покойного монаха в этом суетном мире.

Вскоре начались праздники. Касугаяма и близлежащий город-порт Наоэцу, построенный Наоэ Кагэцуной, гудели, пели и плясали, вместе с их жителями. Горожане наряжались в красочные костюмы, украшали дома пёстрыми лентами, бамбуковыми ветками, а перед входом выставляли увешанную игрушками сосну-кодомацу. Дети пускали воздушных змеев, кидались друг в друга снежками, взрослые приходили из храмов и устремлялись домой, чтобы как сле-

дует отпраздновать. Вскоре, храмовые колокола пробили сто восемь раз, отгоняя каждую из забот, которыми были обременены люди за уходящий год.

Кагэтора был один. Он не праздновал. Уединившись в своей холодной пещере под замком, он разжёг священный огонь-гома и начал читать заклинание, перед статуей Бисямон-тэна. Вскоре в святилище стало тепло и своды наполнились невидимой, но весьма ощутимой энергией. Кагэтора воззвал к силе бога войны.

\* \* \*

*Замок Бивадзима, Этиго.*

Усами говорил, но Гэндзюро его не слышал. Он погрузился в свои мысли и не замечал никого и ничего вокруг себя. А ещё он был зол. Перед Садамицу он этого не показывал, но сердце его разрывалось от обиды, и он хотел закричать. Молчал. Думал, краснел, сопел, но молчал.

– Где она, Садамицу-сама? – перебил Гэндзюро старика. – Где моя жена?

Усами посмотрел на него так, будто тот, хочет отнять у него нечто ценное, такое, за что можно и убить. Садамицу убивать его не собирался, но ударить хотелось, причём чем-нибудь тяжёлым.

– Я для кого сейчас всё это рассказывал? – спросил старик язвительно. – Ты сейчас не бродяга, не шпион и даже не пехотинец, ты самурай, причём очень богатый. Ты кокудзин и предполагаемый наследник. Почему же твои мысли сейчас о женщинах, а не о важных делах клана?

– Это, несомненно, важная деталь. – убеждённо проговорил Гэндзюро. – Разве может клан развиваться без женщины? Кто будет ухаживать за домом и рожать детей? Я не вижу здесь никого! Где она? Где Нами? Моя жена!

– Ты, конечно, прав, но лишь отчасти. – Усами погладил седую бороду. – Если жена не в состоянии родить наследника, значит, следует взять наложницу, а за домом могут ухаживать слуги.

– Но ведь она ваша кровь! – настаивал Гэндзюро. – Неужели...

– Прекрати распускать сопли, ты мужчина! – повысил голос Садамицу. – Ты хотел жениться на ней, я дал тебе на это право. Дальше, ваши проблемы меня не касаются. Ты вошёл в мой клан, так изволь выполнять соответствующие обязанности. Забудь о ней на время. Можешь плакать в подушку по ночам или писать душераздирающие стихи, но днём думай лишь о делах важных. Думай о своём клане. Если моя дочь не одумается со временем, значит возьмёшь наложницу, она родит тебе сына, и он возьмёт фамилию Усами. Ясно? – Садамицу проговорил всё это строго, но голос его был ровным и спокойным.

– Может вы и правы. – опустил голову Гэндзюро. – Я должен быть благодарен судьбе за то, что из подкидыша превратился в высокопоставленного землевладельца.

– Вот так-то лучше. – похвалил Усами. – А теперь слушай и запоминай. Я буду вводить тебя в дела постепенно, чтобы твой маленький мозг не вытек из твоих больших ушей от переизбытка информации.

– Вы такой остроумный Садамицу-сама! – съязвил Гэндзюро, но после неоднозначного взгляда, прикрыл рот и был весь во внимании.

Гэндзюро слушал Усами несколько часов. Старик говорил о каких-то документах на землю, реестрах на оружие, запасы, людей и ещё много всяких вещей. Кроме того, молодой владелец должен был сам вести гражданские дела, слушать жалобы и выносить приговоры, производить смотр войск, вести разнообразные учёты и ещё много чего. К вечеру, выйдя из кабинета Усами, Гэндзюро просто валился с ног. Придя в свою комнату он, не раздеваясь, упал на futon и так проспал до утра.

Следующие дни он провёл уже в практике, под личным надзором Садамицу и иногда повторял теорию, которой напичкал его хозяин замка. И так практически два месяца, вплоть до самых праздников. Гэндзюро думал, что наконец-то расслабиться, но ему пришлось вести подготовку к новому году. Вообще, ему казалось, что Усами слишком его перегружает, вешая нужную и ненужную работу, тогда, как сам старик по полдня не вылезал из своего кабинета, читал книги и пил чай в своём чайном домике. Гэндзюро трудился как пчела и некоторую работу начал выполнять уже инстинктивно. Ко всему прочему, он ещё должен был тренироваться в додзё по часу в день, упражняясь с луком, мечом и копьём. Остальное оружие мог выбрать по желанию. Также, три раза в неделю, они с Садамицу упражнялись в верховой езде и стрельбе из лука на полном скаку. Гэндзюро прекрасно стрелял из лука, но это для него было в новинку. Он даже несколько раз падал с лошади и в конце концов, вывихнул себе ногу. Тут то, Усами и дал ему отдохнуть, приказав соблюдать постельный режим.

В один прекрасный, холодный, зимний день, когда нога почти уже выздоровела, Гэндзюро вышел во двор своей усадьбы. Да, теперь у него была своя ясики, во втором дворе замка Бивадзима. Сам замок представлял собой довольно странную конструкцию. Во-первых, он не был горным, как большинство замков Этиго. Первая линия укреплений или третий двор, располагалась на ровной местности, а стены шли широким полукольцом охватывая берег моря Нихон. Вторая линия, где находился дом Гэндзюро, была меньше, но такой же формы и находилась внутри первой. Во-вторых, первый, он же главный двор находился не где-то, а в самом море, в пятидесяти шагах от берега, на скалистом острове. Там и стояла тэнсю. Хонмару был не жилой, а лишь прибежищем на случай войны и вёл к нему понтонный мост. Хотя, Гэндзюро подозревал, что там у Усами есть какие-то свои личные дела, о которых он предпочитал умалчивать. Эти подозрения были небезосновательны, поскольку старик частенько навещался туда и подолгу пропадал.

Помимо нового дома, появилось и новое имя. Усами Гэндзюро Садакацу, так теперь его звали. После свадьбы с Нами, он вошёл в клан Усами и стал, кем-то вроде заместителя Садамицу и в случай его смерти, возьмёт главенство на себя. С одной стороны, Гэндзюро был рад такому повороту судьбы, но с другой, оказался самым несчастным человеком в Этиго. После женитьбы, он практически не видел свою супругу. Нами всячески избегала его и проводила больше времени в деревни Нокидзару, чем у себя дома. Мысли о ней не оставляли младшего Усами не на мгновение и порой, это даже мешало его работе.

Ещё одна немаловажная деталь, состояла в том, что Гэндзюро был удалён от своих соратников в нокидзару и лишь выполнял всю работу, во время отсутствия хозяина Бивадзимы и всех его боеспособных людей. В войне с Такэдой, Садакацу тоже не участвовал и уже подумал, что Садамицу тоже его избегает и специально оставляет в замке, чтобы он не мешался ему под ногами. Ан, нет, со временем, Гэндзюро понял, что это была своего рода, проверка и старик всерьёз готовит его к вступлению в полноправные владельцы кланом.

На улице дул холодный и сильный ветер. Близость к морю делало это место совершенно невыносимым. Мороз, то и дело, пощипывал кожу на лице. Гэндзюро зашёл обратно в дом, сел у домашнего очага и уставился на пламя. В огне показалась девушка, красивая, выглядевшая моложе своих лет, но с храбрым и мужественным взглядом. Её волосы развивались, касаясь танцующих языков пламени, а большие глаза сверкали, подобно звёздам. Младший Усами тряхнул головой, отгоняя наваждение, и очаг вновь стал обычным.

– Вы чем-то встревожены Садакацу-сама? – это произнёс слуга по имени Матагоро. Он вошёл через уличную веранду со стороны кухни. Подошёл к Гэндзюро и поставил перед ним поднос. – Вам следует поесть и выпить чаю. Вся еда горячая, это очень нужно в такую холодную зиму.

– Что-то не хочется мне есть. – задумчиво проговорил хозяин дома. – Лучше принеси мне сакэ.

– Но ведь вы же ещё не выздоровели, тем более вы не пьёте, господин! – удивился слуга.

– Что-то очень хочется. – не отводя взгляд от пламени, сказал Гэндзюро. – Принеси. Я не скажу Садамицу.

Матогоро неуверенно удалился и вскоре вернулся с небольшим чайничком, в котором был налит требуемый напиток. Гэндзюро быстро схватил чарку, налил и резко выпил. Поморщился, закашлялся и занюхал рукавом верхнего косодэ. Налил ещё. Вторая чарка пошла лучше.

– В чём причина ваших возлияний? – вежливо поинтересовался слуга.

– В женщинах. – Гэндзюро кашлянул, сакэ лезло наружу, но он с большим усилием сдержался. – Точнее в одной.

– Вы госпожу Нами имеете ввиду?

– Её, кого же ещё.

– Она совсем забросила Бивадзиму уже давно. – будто что-то вспоминая, произнёс Матогоро. – С тех самых пор, как наш господин отверг её.

– Что?! – Гэндзюро был удивлён. Он опьянел с двух чарок, но тут же протрезвел. – Как так, давно? Какой ещё господин?

– Ах, простите меня Садакацу-сама, я не хотел говорить лишнего! – слуга распластался на полу.

– Нет, говори! – младший Усами поднял его за шиворот. Он был взбешён, но не менее заинтересован. – Говори, я сказал! А ни то...

– Хорошо господин, я скажу, только прошу, Садамицу-сама не должен узнать об этом!

– Не волнуйся, он не узнает.

– Госпожа Нами и господин Кагэтора были влюблены друг в друга с самого детства. Но спустя много лет, когда князь начал враждовать со своим братом они возобновили свои отношения. Госпожа попала в плен к Харукагэ и Кагэтора-сама был в отчаянии. Говорят, он упрямил Бисямон-тэна, своего бога, помочь ему освободить её, а взамен дал обет целомудрия. Госпожа Нами была спасена, а наш князь до сих пор чтит свою клятву. Именно из-за этого они не смогли быть вместе. Но она... – Матогоро умолк.

– Что она?! – Гэндзюро был в ярости. В какой-то беспомощной, глупой ярости. Он понимал, о чём говорит этот слуга. Он понял многое. Но самое важное, самое идиотское, что он сделал, это позволил себе влюбиться в неё, да ещё и просить благословление на брак у самого Кагэторы. У того, кто тоже её любил. Он не знал этой истории, не мог знать, потому, как Усами позаботился, чтобы сокрыть её ото всех. – Говори! Что она сделала?!

– Госпожа тоже дала обет. – Матогоро был напуган. Он рассказывал то, что нельзя было рассказывать под строжайшим запретом. Если Садамицу узнает, самое лучшее наказание будет сэппуку. Но, Матогоро был хороший слуга и он послушно закончил. – Она поклялась, что никто не будет обладать ей, кроме Кагэторы-сама. С тех самых пор, она верно служит ему, находясь рядом, но в тени. А Садамицу-сама заботиться о том, чтобы они никогда не встретились.

– И всё-таки встретились. – себе под нос пробормотал Гэндзюро. – И всё благодаря мне. Кретину и недоумку. Болтуну и разгильдяю.

Остаток дня и весь вечер, Садакацу провёл за глубокими раздумьями и за сакэ. Он больше не пьянел. Он был в ярости. На себя, на судьбу и на Нами, которая, чтобы избежать замужества могла и рассказать всё ему с самого начала. А Кагэтора? Он дал согласие, несмотря ни на что, как он мог так поступить? С собой, с ней и с Гэндзюро. Или он надеялся, что тайна не раскроется? А, может он больше не любит её? Нет, не такой человек Кагэтора. Он скорее стерпит, спрячет всю боль глубоко в себе, но никогда не подаст виду. А что теперь делать ему? Что делать Гэндзюро? Но, самый подлый в этой истории этот старик. Этот Усами. Он

сыграл отвратительную игру на человеческих судьбах. Он самый коварный и подлый. Подлее Гэндзюро, подлее Нами, подлее...

– Нет! – Садакацу швырнул чарку в сёдзи. – Я убью его!

К поздней ночи он всё-таки напился и уснул. Вновь не раздевшись.

Утром его разбудили. Голова ужасно болела и Гэндзюро не мог пошевелить не одной частью тела. Поэтому, его силком подняли с постели и утащили в офуро, опустив в горячую, парящую воду. Оттуда он вылез уже сам, кое-как поел, выпил чаю и только сейчас заметил, что прислуживает ему не вчерашний слуга.

– А где Матогоро? – спросил Гэндзюро у нового прислужника.

Тот молчал.

– Ты, что оглох? Кто ты такой? И где мой слуга Матогоро?

– Матогоро больше не будет вам служить Садакацу-сама. – наконец произнёс слуга. – Меня зовут Кацусукэ и теперь, я буду служить вам во всём.

– Но почему? – озадачился Гэндзюро. – Что он такого сделал?

– Он... – Кацусукэ замолк на короткое время, раздумывая, а потом объяснил. – Он сделал то, что нельзя было делать и за это, был сурово наказан.

– Но как? – Садакацу поскрёб затылок и внезапно, его озарило. – Этот старик! – он сжал кулаки, резко подпрыгнул на ноги и бросился к выходу. – Я этого больше терпеть не буду!

Не переодевшись в тёплые одежды, Гэндзюро направился в поместье Усами Садамицу, которое находилось здесь же, во втором дворе, у самого края берега, где начинался мост, ведущий в главную твердыню. Охрана пропустила Садакацу без лишних слов и тот, нагло и бесцеремонно, проследовал в кабинет главы рода.

Садамицу сидел за письменным столиком, повернувшись к входу боком. Рядом с ним лежала кипа, аккуратно сложенных в несколько стопочек, бумаг и несколько книг. На столике тоже лежало несколько листов, на одном из которых Усами тщательно, но без усердия, выводил каны<sup>11</sup>. Старик был мастером каллиграфии, впрочем, как и во всём.

Усами заметил приход своего зятя, но виду не подал. Гэндзюро сел возле входа и застыл в приветственном поклоне. Садамицу дописал, аккуратно отложил кисточку, закрыл тушечницу и только после этого повернулся к гостю.

– Доброе утро Гэндзюро. Как прошла ночь? Голова не сильно болела? – произнёс он, спокойным, вежливым тоном. Только его слова, почему-то жалили молодого наследника, словно сотня змей.

– Сейчас моё здоровье в порядке. – выпрямился Садакацу. Его взгляд был вызывающим и был устремлён прямо в глаза Садамицу. – Но мои мысли в полном смятении.

– Что тебя так тревожит? – Усами прищурился, он, будто вытягивал и читал мысли своего подопечного. – Вновь мысли о женщинах? Наведайся в весёлый квартал в Нагаоке или Касугаяме и успокой своё мужское естество. Если не хочешь далеко ездить, тогда возьми любую служанку. Уж поверь, они не откажут.

– Не об этом я думаю, – покачал головой Гэндзюро. Он хотел сорваться на крик, но, всё же, побаивался своего тестя, да к тому же у входа стояла охрана. Поэтому, голос его был сдержан, но дрожал от гнева. – Где Матогоро?

– Кто это? – Садамицу сделал вид, что удивился.

– Мой слуга, которого вы изволили наказать.

– Ах, этот. – Усами опустил глаза в пол, погладил бороду. Он совсем не обращал внимание на дерзость Садакацу и тем самым выводил его из себя. – Он совершил сэппуку.

– Почему? Он ни в чём не провинился?

<sup>11</sup> Кана – слоговая японская азбука, делящаяся на катакану и хирагану.

– Он сказал лишнее, хотя, знал, что этого говорить не следовало. Этого достаточно, чтобы наказать слугу. Знаешь, слова всегда играли большую роль в судьбах людей. По одному лишь слову, можно судить о человеке.

– Но, он был мой слуга.

– Пока, хозяин Бивадзимы я и я же, являюсь главой клана. Поэтому, мне решать, кого наказывать и за что.

– Тогда, я задам другой вопрос. – теперь тон Гэндзюро стал намного выше. – Эта история, о которой поведал мне Матогоро, почему от меня её скрывали? Ведь, если бы я знал, то никогда бы не женился на Нами. И почему Кагэтора позволил мне это сделать?

– Ты задаёшь слишком много бессмысленных вопросов и переходишь рамки приличия, говоря о своём господине и повышая голос на меня. – лицо Садамицу вдруг стало строгим и теперь он смотрел на зятя с явным намерением, подавить его морально. – Всё, что произошло между моей дочерью и князем, было слишком давно и поросло травой. Ты же, как вежливый человек и преданный слуга, должен принять всё как должное и снизошедшую до тебя милость, обязан хранить и лелеять. Не каждому удаётся так быстро подняться от рыночного воришки до наследника клана.

– Но, эта история мешает моим отношениям с женой. Мы не сможем жить с ней в гармонии, когда между нами стоит прошлое. – Гэндзюро немножко поубавил тон, но волнение и злость никуда не делись.

– Очень глупо слышать такое от мужчины. Если бы каждый из тех, кого я знаю, говорил подобное, то уподобились бы молоденьким Хэйянским царедворцам, которые только и знали, что воздыхать о былом, о потерянной или безответной любви, писали об этом стихи и в конечном итоге, кончали с собой. Не топи свои мысли в прошлом. Заостряясь на былом, ты становишься лишь тенью – бессознательным отражением самого себя. Правильно жить лишь этим мигом. Только так ты останешься собой.

– Поучительно, но не эффективно. – фыркнул Гэндзюро. – Для этого нужно быть совершенно бесчувственным, монолитным, как статуя, как... проклятье...

– Теперь ты понял? – Усами увидел, что его зять запнулся на своих словах и пришёл к выводу. – Он тоже мучился, тоже страдал, но подавил в себе все ненужные мысли, заставил себя забыть прошлое и двигаться дальше. Он верен тому, что делает и нечто не может поколебать его. Именно поэтому он так поступил. Именно поэтому он дал согласия на ваш брак.

Гэндзюро не знал, что ответить, а вопросы кончились сами собой. Он понимал, о чём говорил Садамицу, но не знал, как ему научиться такому хладнокровию. Такому образу жизни, укоренившемуся в умах и сердцах людей в эти беспокойные времена.

– Что ж, теперь у тебя есть над чем подумать. – видя молчание Садакацу, заключил Усами. – Сегодня я не стану нагружать тебя делами, но завтра, ты нужен мне со свежим умом и светлой памятью. И, прошу, не пей больше сакэ, тем более в таких количествах. Возлияние лишь усугубляет положение и наводит на дурные размышления.

Гэндзюро ушёл, занятый мыслями. Садамицу поднял со столика лист бумаги, на котором писал, до прихода зятя, сложил его в прямоугольную полоску и позвал слугу. Человек появился за спиной хозяина, отодвинув, полностью деревянную стену, на которой висела картина изображающее человека, созерцающего звёздное небо.

– Матогоро, ты отправляешься в Нокидзару. – произнёс Усами. – Это письмо передашь моей дочери, а сам останешься там. Больше в Бивадзиме не появляйся и на глаза Садакацу не попадайся. Самое правильное решение – изменить внешность, как я тебя учил.

– Да господин. – поклонился Матогоро. – Я понял и исполню всё в лучшем виде.

– Как и всегда. – Садамицу еле заметно ухмыльнулся.

В самый последний день уходящего года в Бивадзиму пребывала Нами. В первую очередь она поприветствовала отца и даже уделила внимание мужу. Гэндзюро встретил её официально,

с неким холодком. Ей было всё равно. Праздники они встретили вместе, с соблюдением всех церемоний, как полноправные муж и жена. Но, спали каждый в своих частях ясики и друг друга не навещали. Правда, один раз Гэндзюро заявил о том, что женщина должна соблюдать правила и не избегать брачного ложа. На это Нами одарила его удивлённым взглядом и вежливо, с полным равнодушием, заявила, что каждый останется при своём и перемен не будет. Садакацу, конечно разозлился, но виду не подал. О печальной истории, поведанной ему бывшим слугой Матогоро, он решил не вспоминать. Так и разошлись. После праздников, Нами вернулась в Нокидзару, а Усами Садамицу отбыл в Касугаяму. Гэндзюро вновь остался один, заниматься делами клана, как полноценный господин.

\* \* \*

*Замок Ёита, Этиго.*

В отличие от мрачной Бивадзимы, во владениях Наоэ Кагэцуна царили веселье и танцы. Праздник тут наступил ещё до его начала. Первым делом местные жители были рады, наконец, увидеть своего хозяина и должным образом встретили его в его доме. Даже хеймины преподнесли ему свои запасы, выращенные на полях, сверх того, что они отдают в уплату налогов. Кагэцуну любили и уважали, а он никогда не давал повода в себе усомниться.

Отметив свой приезд, Наоэ взялся за дела домашние. Первым делом он приказал расчистить дворы замка и улицы прилегающей деревни от снега. Причём он сам взял деревянную лопату в руки и начал работать со всеми. Самураи, замковые слуги и крестьяне, от мала до велика, трудились как единый организм. Между ними не было неприязни и социальный статус здесь терял все границы. Все они пели, смеялись и веселились и лютый мороз им был не по чёму. Даже жена Кагэцунэ, Оман, вышла поддержать работников, вместе со служанками, разнося им горячую похлёбку и чай. Местная детвора тоже помогала взрослым. Те, кто постарше взял в руки снегоуборочные инструменты, а совсем маленькие лепили комки и швыряли их как можно дальше.

Поистине, это была мирная идиллия, счастливых людей, беззаботно живущих под прищмотром Наоэ Кагэцуны.

Сам хозяин Ёиты, не упускал случая подшутить, запустить в кого-нибудь снежный ком или ущипнуть проходящую мимо женщину за интересные места. За такие проделки он устаивался от Оман немного подозрительным взглядом и частенько снежком в лицо. Впрочем, Наоэ только отшучивался, строил невинные рожицы и прикидывался верным и послушным мужем. Госпожа Наоэ не злилась на него, зная его игривый характер, но всё равно приглядывала, чтобы его шутки не зашли далеко.

Уборка снега, при таком настроении, шла довольно быстро, а чтобы ускорить темп, Кагэцуна начал напевать свои весёлые песни.

– Прекрасным днём осенним,  
Иду я по столице.  
Повсюду снуют лица,  
Наряженных людей.  
Гляжу, у лавки дева,  
Стреляет в меня взглядом.  
Изящно прикрывая,  
Тэссэном алый рот.  
Сманила меня дева,  
В безлюдный угол тёмный  
И страстно целовала,  
Моё гладкое лицо.

И я, почуяв силы,  
Рукою потянулся,  
К подолу ниже оби,  
Где тайные места.  
Гляжу, а там косодэ,  
Топорщится занятно.  
И я, подумав сдуру,  
Что меч там вдруг запрятан,  
Схватил рукой железной  
И сразу обомлел.  
То был не меч  
И...

– Господин Наоэ! – окликнула мужа Оман. – Вы ведь не со своими соратниками на пирушке, здесь ведь дети! Прекратите свои пошлые песенки!

– А что там было вместо меча? – задал тут же вопрос один из мальчишек.

– Может она прятала там куклу? – предположила одна из девочек, лет шести.

Кагэцуна прокручивал в мозгу варианты ответов, когда мальчик постарше закричал:

– Я знаю, что там было Кагэцуна-сама! Это был мужской...

– Помолчи негодник! – вовремя остановила его Оман и укоризненно посмотрела на улыбающегося во весь рот, мужа. – Вот видите! Не надо развращать детей в таком возрасте, вы должны быть примером для них, вы ведь хозяин Ёиты!

– Да понял, я понял! – отмахнулся Наоэ и вновь взялся за работу. – Про столицу петь не буду!

– Давайте про походы, Кагэцуна-сама! – попросил какой-то паренёк из крестьянских.

– Про поход, говоришь? – Наоэ призадумался, поскрёб пальцем висок. – Что-то, кажется есть.

– Ехала бугейша с боя  
Повсюду горы да долины,  
Устала и свернула к зелёному лужку.  
Глядит, а рядом речка,  
Серебрится тонкой лентой,  
Решила искупаться  
И смыть следы дорог.  
Сняла ёрой цветастый,  
Сложила меч и лук  
И скинув все одежды,  
Вошла изящно в воду,  
Остановившись по колено  
В струившейся воде.  
А в это время, рядом  
У берега за камнем,  
Рыбак, вдруг притаился,  
Таращился на деву,  
Дрожа всем естеством.  
И тут рыбак коварный,  
Задумал непотребство,  
Увидев, как бугейша  
Нагнулась над водой.  
И вот, пока та дева,

Длинные косы омывала  
Рыбак напрыгнул сзади  
И... Ата-ата-ата-та!..

Наоэ, увлечшись песней, не заметил, как Оман подошла к нему со спины и схватила за ухо. Дети от души захохотали. Взрослые тоже надрывали животы, толи от того, как закончилась песня, толи от того, как их господин пытается освободиться от коварного захвата жены.

– Я же вам говорила, прекратить эти распутные песенки, а вы снова за своё! – причитала Оман. – Что же вы за человек такой? Нельзя спеть о прекрасной любви или захватывающих приключениях?! Обязательно нужно впихивать в каждый текст, свои гениталии?!

– Но так ведь веселее! Ай! – кричал Кагэцуна. – Оман, отпусти! Больно! Ай!

– Вы ведь провинциальный самурай, а не столичный чинуша, так, что терпите! – она ещё больше скрутила ему ухо и пыталась добраться до второго. Наоэ даже упал на колени, сложил ладони и взмолился.

– Дорогая госпожа Наоэ! Пощадите! Я так больше не буду! Я сделаю всё, что скажете, только отпустите! Ай-яй!

– То-то же. – Оман резко убрала руку от уха мужа. – Ещё раз услышу твои «весёлые песенки» в присутствии детей, отхожу лопатой по одному «тайному» месту! Чего сидишь? Продолжай работать!

– Хорошо госпожа, слушаюсь. – Кагэцуна встал с колен, попятился спиной, отойдя чуть подальше от жены и громко, чтобы все слышали, произнёс. – Теперь я буду петь о прекрасной любви двух молодых вакасю<sup>12</sup> и о захватывающем приключении одного монаха, который воздерживался от любви двадцать лет и наконец, снял с себя этот обет.

– Вот же... – Оман выхватила у одного из мужчин лопату и бросилась на мужа. Тот, с испуганными глазами, кинулся на утёк. Толпа плакала от смеха, пока их господин убежал от жены по глубоким сугробам, а та безуспешно пыталась добраться до него, махая перед собой лопатой, сыпля упрёки в его адрес.

Так прошли дни уходящего года и вскоре настали долгожданные праздники. Наоэ собрал всех жителей замка в своём доме и гуляния прошли не менее насыщенно, чем коллективная уборка снега. После всех возлияний, трапез и воздаяний предкам и богам, Кагэцуна наконец-то остался с женой наедине.

Они сидели в обнимку, в тускло освещённой комнате. Рядом с очагом-ирори, дымились ароматные чарки с чаем. Оман положила свою голову на плечо мужу и о чём-то задумалась. Наоэ был счастлив и спокоен. Никакой суеты, ежедневно творившейся в Касугаяме, ни каких лишних лиц, – всяческих жалобщиков, ростовщиков, монахов и чиновников. Ни надо никуда бежать, решать какие-то дела, вопросы и выполнять приказы. Дома Кагэцуна полностью расслабился и будто совсем забыл, кто он есть на самом деле.

– Когда ты уедешь? – вдруг, тихо спросила Оман.

– Через неделю. – беззаботно ответил Наоэ.

– Почему так скоро? Разве князь не сможет без тебя немного подольше?

– Сможет. – Кагэцуна поднял чарку и сделал небольшой глоток. – Но, я без него не смогу.

К тому же, как только сойдёт снег, в Этиго начнётся перепись жителей и новое межевание земель. Необходимо подготовиться и составить план.

– Как это скучно.

– Вот именно. – Наоэ нежно взял жену пальцами за подбородок и поднял её лицо к себе, посмотрев ей в глаза. – Я приехал домой не для того, чтобы обсуждать свои обязанности. Пока я

---

<sup>12</sup> Вакасю – мальчик, не достигший совершеннолетия. Существовало понятие вакасюдо или «путь мальчика», зачастую подразумевающее гомосексуальные отношения.

здесь, об этом нужно забыть. Поскольку я не знаю, когда вернусь снова, эти дни нужно провести с пользой. То есть, отдохнуть душой и телом.

– Но почему ты не можешь взять меня с собой?

– Оман, ты же знаешь, что пока мужа нет дома, его обязанности ложатся на плечи его жены. И вообще, перестань уже говорить о грустном. – Наоэ подмигнул ей. – Кагэтора-сама озабочен тем, что у меня всё ещё нет наследника. Он, чуть ли не каждый день, задаёт мне этот вопрос.

– На что вы намекаете, господин Наоэ? – её тон стал иронично-официальным. – Неужели вы решили порадовать свою жену и позаботитесь о своём наследии? Или, без подсказки господина, вы бы до этого не додумались?

– Вот, что ты опять за своё? – досадливо произнёс он. – Неужели нельзя сказать так: – «О, мой муж! Ты вернулся домой, я тебя так ждала! Пойдём, постель уже согрета!». Нет же, тебе нужно упрекнуть, поддеть и ещё поиздеваться!

– Знаешь, а давай поменяемся местами. – Оман приподнялась и чуть оттолкнула Кагэцуна от себя. – Ты посидишь здесь в Ёите, а я, вместо тебя буду вести дела в Касугаеме?

– Это невозможно. – возразил Наоэ. – Ты же женщина. В дела политики нужно вникать светлым умом.

– Так, значит, ты меня ещё и глупой считаешь?! – взъелась она. – Интересно в чём?

– Я этого не говорил. – Кагэцуна понемногу начал понимать, что завёл разговор не с того места. Хотя, с кого места он бы не зашёл, она всё равно повернёт всё по-своему. – Прекрати уже придирааться. – он попытался придвинуть её к себе, но получил отворот-поворот. – Мы ведь о постели, вроде бы, начали говорить?

– Вот ещё! – Оман скрестила руки на груди и строго посмотрела на мужа. – Ждала год и ещё подожду! Отвечай! Где я проявила свою глупость на столько, что ты считаешь меня таковой?! И не отворачивайся, смотри на меня!

– Не женился до сорока лет, мог бы ещё сорок так прожить. – буркнул себе под нос Кагэцуна.

– Ах, ты ещё и сожалешь?!

Наоэ подумал, что чай, слишком не эффективный для сегодняшнего вечера, не помешало бы сакэ.

– И не вздумай приказать подать сакэ...

\* \* \*

### *Замок Ясуда, Этиго.*

Масакагэ предполагал, что Нагахидэ устроит нечто подобное, но он никак не думал, что их будет только двое. Для трапезы и чайной церемонии в чайном домике, было слишком холодно и они расположились в усадьбе. Зимы, в последние три года, выдавались очень лютыми, – морозными, снежными и ветренными, причём начиналась такая погода с середины осени. Поэтому, хозяин замка Ясуда Нагахидэ, пригласил Масакагэ на праздники к себе. Однако, настроение здесь царило, отнюдь не праздничное. Нагахидэ был таким человеком, что везде соблюдал порядок. А порядок в его понимании, заключался в неукоснительном соблюдении всех правил и традиций. Поэтому, все вышестоящие особы должны были праздновать в определённом месте, а все, кто ниже, точно в таких же местах, но соответствующих их статусу. Из высоких особ, на праздники, в замке оказалось только двое, сам хозяин и его гость Уэда Масакагэ, выходец из клана Нагао и двоюродный брат даймё Этиго. Так уж повелось, что волею судьбы, Ясуда оказался женат на сестре Масакагэ, да к тому же, являлся единственным другом владельца Сакадо. И, чтобы не коротать эти холодные, счастливые дни в одиночестве, он позвал Уэда в гости. Тот согласился. И вот, они сидели вдвоём, в небольшой комнате, укра-

шением которой были лишь засушенные кувшинки и камыш, стоящие в токонома. Вверху над полкой, на листе бумаги была начертана хокку:

Одинокая лягушка  
Проквакала в камышах  
Тоска зимы.

Масакагэ ничего не смыслил в поэзии, но даже ему стало понятно, что его друг тоскует по тем временам, когда его владения покрывало изумрудной зеленью. Замок Ясуда стоял посреди обширных болот и зарослей, поэтому в токонома и стояла характерная икэбана, как, впрочем, и стихи оказались тематическими.

Сам же Нагахидэ, был человеком скрупулёзным, высокообразованным и весьма самолюблённым. Он не считал нужным объяснять свои поступки и поведение, поскольку думал, что человек умный, должен понять его без пояснений.

Масакагэ себя дураком не считал, но ему было невдомёк, почему на новый год они сидят вдвоём, в маленькой комнате и пьют чай. В крайнем случае, можно было пригласить сестру Уэда, но Ясуда, молчал, монотонно помешивая чайный порошок в ступке.

Когда всё было готово, Нагахидэ, так же молча, разлил чай и они насладились им в благоговейной тишине. После церемонии, в этой комнате они не остались, а перешли в кабинет Ясуды.

Здесь тоже было всё аккуратно обставлено. В северной части кабинета, противоположной входу, на стенах висели полки с многочисленными книгами, рядом со стеной стоял небольшой шкафчик, где хозяин хранил письменные принадлежности и чистые листы бумаги, а рядом находился столик, на удивление, неказистый кривой, будто не сооружённый мастером, а чисто вырванный из земли, массивный пень. От пня, его отличало лишь наличие, каких-никаких, четырёх ножек и лаковое покрытие.

Масакагэ рассматривал всё внимательно, как бы угадывая настроение молчаливого хозяина этого жилища. Нагахидэ не смотрел на гостя, но явно наблюдал за его поведением.

В этом кабинете они устроились окончательно и Ясуда, наконец-то приказал подать сакэ. Распив по две чарки, Нагахидэ соизволил заговорить.

– Этот столик, действительно обычный пень. – монотонно произнёс он.

– Вы читаете мысли, Ясуда-доно? – удивился Масакагэ.

– Нет. Просто каждый, кто оказывается в моём кабинете, задаёт этот вопрос. Для меня этот столик символизирует единство с природой, царящей в здешних краях после холодов и снега. – пояснил Нагахидэ. Говорил он тихо и на одной ноте, словно заученный текст. При этом, лицо его будто застыло в одном положении, выражая, толи усталость, толи полную отрешённость. Масакагэ всегда удивляло, как этот, вечно скучающий человек, может быть таким яростным в бою, заливая свои доспехи золотого цвета, алой кровью врагов. А ведь он ни разу даже не был ранен.

– Как поживает моя сестра? – после долгого молчания, поинтересовался Масакагэ.

– Она в добром здравии. – безучастно ответил Нагахидэ. – Её заботы сугубо женские и ей не место среди мужчин. Вы ведь об этом хотели спросить?

– Вас не проведёшь. – краешком рта ухмыльнулся Уэда, пытаясь придать хоть какое-то веселье этому «празднику». – Ваш сын, полагаю, тоже здоров?

– Да. – коротко кивнул хозяин дома. Он разлил сакэ и приказал принести закуску. Когда перед трапезниками появились подносы с маленькими кусочками сырой рыбы, кальмарами, мидиями и прочими дарами моря, Ясуда поднял чарку и произнёс:

– До дна!

– Как вы считаете, Уэда-доно, правильно ли поступил наш господин, отправив всех васалов по домам? – спросил Нагахидэ после того, как они выпили и закусили.

– В этом нет ничего плохого, когда князь проявляет заботу о своих слугах. – ответил Масакагэ, в душе обрадовавшись, что разговор начинает понемногу оживать. – Мне кажется, он хочет загладить вину за долгий поход. К тому же, сейчас зима и в Этиго нет особых хлопот.

– Хм. Я думаю так же. – усмехнулся Ясуда, казалось впервые за всё время их знакомства. – И всё же, я считаю это лишним. Нужно было оставить с собой хотя бы Усами или Наоэ. Наш даймё прекрасный человек и великий воин, но в политике он разбирается плохо.

– Не думаю, что это большая проблема. Каждый из нас готов прийти к нему по первому зову. – ответил Уэда.

– Вот как? – Нагахидэ удивился, но лицо его по-прежнему выражало пустоту. – Даже вы? Помнитесь вы не желали видеть Кагэтору-сама своим господином.

– Я никогда не был против князя лично. Я просто выполнял обещание, данное отцу. – гордо заявил Масакагэ. – Мы, Нагао, всегда служили Уэсуги, но с приходом Тамэкагэ всё изменилось.

– Я понял вас Уэда-доно. Но давайте забудем о прошлом. В настоящем нас ждут, куда большие перемены. – прервал его Ясуда и разлил по новой.

– Что вы имеете ввиду?

– Первое – это вражда с Такэдой. Как долго она будет продолжаться и сможем ли мы вообще его победить. Второе – это союз с Асакура. Со смертью их главного полководца Сотэки, вся власть теперь в руках их молодого главы. Сможет ли он сдержать икко-икки или же нам придётся самим с ними разбираться. А это значит, что Этиго будет в опасности.

– Почему же. – лицо Масакагэ посветлело. Он почувствовал себя более свободно, чем ранее. Отчасти это был эффект сакэ, а отчасти из-за того, что хозяин дома наконец-то разговорился.

– Придётся сражаться на три фронта. И я не беру в расчёт Ашина из Ивасиро.

– На три? – не понял Масакагэ – Икко, Такэда, а кто третий?

– Ходзё. Не думаю, что Уджиясу не захочет отомстить нам за поражение в Кодзукэ. Да и этот... Наримаса из Уэсуги. Он не сможет выстоять. Уж слишком слаб. – поделился своими соображениями Ясуда. – Однако, это всё домыслы. Я предпочитаю руководствоваться фактами.

– И какие же факты у вас имеются Ясуда-доно? – поинтересовался Уэда.

– Немалые. – Нагахидэ задрал подбородок и его лицо приобрело надменные черты. – Кагэтора-сама слишком мягок. Он простил предательство Китадзё и он пропускает мимо ушей роптание Окумы. Так же, он простил вас Уэда-доно. Не кажется ли вам, что наш господин теряет хватку? Его мысли о мире затмевают его разум.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.